

БЕРЕДНИКОВСКІЙ АРХИВЪ

Письма А. П. Римскаго-Корсакова. 1827—1853.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская фамилія Корсаковъ и Корсаковыхъ, съ 1677 г. выдѣлившая отрасль Римскихъ-Корсаковыхъ, ведетъ свое происхожденіе отъ литовскаго выходца Жигмонта Корсака, родственника Софьи Витовтовны, вышедшей замужъ за московскаго великаго князя Василія Дмитріевича въ 1390 году. Дѣти и внуки Жигмонта впоследствии получили большія земли въ Новгородчинѣ, между прочимъ въ Нагорной половинѣ Обонѣжской пятины, то есть въ современномъ Тихвинскомъ уѣздѣ. Изъ тихвинской вѣтви во дни Петра выдвинулся извѣстный помощникъ Меньшикова, петербургскій вице-губернаторъ Яковъ Никитичъ Римскій-Корсаковъ, сосланный въ 1715 году въ ссылку за лихоимство. Въ 1706 г., говоря словами старинной челобитной, „опредѣлилъ къ тихвинцамъ бывшей тогда Санктъ-Петербурхской губерніи вице-губернаторъ Яковъ Корсаковъ брата своего родного Василія Корсакова камендантомъ, чего во ономъ подмонастырномъ посадѣ отъ начала Тихвина монастыря никогда не бывало, и оной Василей Корсаковъ жилъ въ Тихвинѣ пять лѣтъ“ (*Тихвин. старина*, стр. 31.)

Изъ Тихвина Василій Никитичъ былъ переведенъ комендантомъ въ Бѣлозерскъ, а потомъ раздѣлилъ участь своего брата.

У Якова Никитича отъ брака съ Прасковьей Аггеевной (1679—1734) былъ сынъ Воинъ, любимецъ Елизаветы Петровны, вице-адмиралъ (1702—1757). Воинъ Яковлевичъ былъ женатъ на Марѣ Ива-

новнѣ Неплюевой (1718—1769) и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей. Младшій—Петръ Воиновичъ впослѣдствіи состоялъ тихвинскимъ предводителемъ дворянства (съ 1798 по 1800 годъ); онъ былъ женатъ на дочери священника Авдотѣ Яковлевнѣ, отъ которой имѣлъ сыновей—Николая (впослѣдствіи вице-адмирала), Андрея, Павла и Петра.

Андрей Петровичъ родился 7 августа 1784 года. Занимался сначала въ государственной иностранной коллегіи, затѣмъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ о немъ заботился другъ его отца—министръ Козодавлевъ. Былъ при министерствѣ начальникомъ отдѣленія, а потомъ—новгородскимъ вице-губернаторомъ. Въ Новгородѣ у Андрея Петровича произошло въ 1828 г. рѣзкое столкновение съ мѣстнымъ дворянствомъ, и онъ былъ удаленъ отъ должности; причисленъ по особымъ порученіямъ къ министру финансовъ и служилъ въ коммерческомъ банкѣ. Потомъ былъ губернаторомъ на Волыни; вышелъ въ отставку въ 1836 году и поселился на родинѣ, въ Тихвинѣ, гдѣ жилъ почти безвыѣздно до самой кончины, послѣдовавшей 19 марта 1892 года. Домъ его находился въ зарѣчной части города, на берегу р. Тихвинки, супротивъ Большого Тихвинскаго монастыря¹⁾.

Въ 1811 году Андрей Петровичъ былъ посвященъ въ масоны въ ложѣ Елизаветы къ Добродѣтели. Высокія нравственныя качества въ сочетаніи съ незаурядными ораторскими способностями весьма скоро выдѣлили его изъ ряда масонскихъ братьевъ. Онъ сталъ намѣстникомъ мастера шотландской ложи Александра Златого Льва и Великимъ Секретаремъ капитула Феникса. Съ 20 октября 1819 года былъ мастеромъ стула (предсѣдателемъ) ложи Трехъ Добродѣтелей. Орденское имя его—Рыцарь Пчелы. Девизъ: „трудъ лучше всего соединяетъ“.

Въ теченіе десяти лѣтъ Андрей Петровичъ напряженно работалъ въ масонскихъ ложахъ и наравнѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Евреиновымъ и Петромъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ считался выдающимся проповѣдникомъ масонства.

¹⁾ Домъ этотъ съ 1871 г. принадлежитъ ген-лейт. Александру Николаевичу Вптеру, который помѣстилъ о немъ статью въ „Нивѣ“, 1912 г., № 21: Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

Современный видъ дома приложенъ ко 2-му изд. книги Н. А. Римскаго-Корсакова „Лѣтопись моей музыкальной жизни.“ (И. М.).

Въ капитулѣ Феникса, въ этомъ своеобразномъ союзѣ русскихъ ложъ, состоящихъ изъ наиболѣе образованныхъ духовно-одаренныхъ представителей дворянства, Андрей Петровичъ, наравнѣ съ Віельгорскимъ и Ланскимъ, являлся передовою силою и яркимъ выразителемъ національнаго направленія.

Въ 1814 году среди русскихъ масоновъ произошелъ распадъ, вызванный заявленіемъ Е. Е. Эллизена о вредной дѣятельности и незаконности существованія капитула Феникса. Эллизенъ возставалъ противъ „высокихъ степеней“, собственно—противъ работы въ этихъ степеняхъ, и возмущался, что капитулъ утаиваетъ отъ правительства свои акты и протоколы. Своимъ выступленіемъ Эллизенъ, во первыхъ, раздѣлилъ русское масонство на два лагеря—противниковъ и приверженцевъ высокаго обряда, а во вторыхъ—накинулъ передъ правительствомъ тѣнь подозрѣнія на дѣятельность масоновъ. Возникла борьба, обстоятельства которой подробно изложены въ трудѣ Т. Соколовской „Капитулъ Феникса. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1788—1822).“ (*Вѣстникъ Имп. общ. ревнит. исторіи*, вып. II, стр. 217—316.)

Андрей Петровичъ принималъ въ этой борьбѣ самое живое участіе и въ 1818 г. вошелъ въ высшее тайное управленіе капитула, какъ Великій Секретарь. Много работая по насажденію масонства, по воспитанію масоновъ—мыслителей, онъ, исполняя порученія капитула, старался сообщать ложамъ, особенно провинціальнымъ, желательное направленіе. Такъ, сохранились свѣдѣнія о его дѣятельности по переустройству одесской ложи „Эвксинскаго Понта“. Въ отчетѣ 27 сентября 1818 г. онъ пишетъ:

„Высокопросвѣщенный Верховный Совѣтъ союза Великой Провинціальной ложи отъ члена брата А. П. Римскаго-Корсакова. Преданность и любовь! Когда въ началѣ текущаго года въ бытность мою на Востокѣ СПб, въ засѣданіи Верховнаго Совѣта разсуждаемо было о мѣрахъ для благосостоянія одесской ложи Эвксинскаго Понта, то вмѣнено мнѣ было въ обязанность дать такое, съ Божію помощію, направленіе тамошнимъ членамъ, чтобы современемъ открытъ тамъ можно было шотландскую ложу. Благодареніе Великому Строителю Вселенной: сему важному дѣлу положено основаніе“.

Сообщая просьбу одесситовъ объ открытіи андреевской (шотландской) ложи, Андрей Петровичъ проситъ поскорѣе отвѣтить, чтобы медлительностью не расхолодить братьевъ. Извиняясь, что самоуправно ввелъ въ акты дополненія, „сообразуясь съ состояніемъ духа“ членовъ, онъ проситъ утвердить измѣненія, такъ какъ братья „столь чувствуютъ себя довольными, что всякая перемѣна можетъ показаться имъ непріятною“.

Капитуль не медлилъ, утвердилъ представленіе и разрѣшилъ новой ложѣ носить наименованіе „Трехъ царствъ природы“...

Уже одинъ этотъ случай даетъ право заключить, что Андрей Петровичъ, какъ масонъ, былъ силою весьма значительною, умѣлымъ руководителемъ на мѣстахъ и уважаемымъ собратомъ въ Совѣтѣ. О работѣ Андрея Петровича въ ложахъ даетъ нѣкоторое представленіе дневникъ Луки Александровича Симанскаго, напечатанный Т. Соколовскою въ I выпускѣ „Вѣстника общества ревнителей исторіи“, 1914 г., стр. 159—212.

Симанскій не часто посѣщалъ тѣ ложи, гдѣ работалъ Римскій-Корсаковъ, и по этой причинѣ отмѣтилъ немного, но и это немного свидѣтельствуетъ о кипучей дѣятельности Андрея Петровича. Вотъ перечень его занятій отъ конца 1818 года до начала 1821.

Въ ложѣ *Орфей*. 20 декабря 1818 г., 18 янв. 1819 г.—предсѣдательствованіе. 24 янв.—тоже. 21 февраля—рѣчь о наукѣ масонской. 14 марта и 25 апр.—чтеніе катихизиса съ поясненіями.

Въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*. 1819 г. 27 октября—бесѣда о Черной храминѣ и приѣмъ ученика; 3 ноябр.—о принятіи ученика; 1 декабря—изъясненіе масонскихъ актовъ о введеніи ученика; 15 декабря—объясненіе обряда приѣма.

1812 г. 26 янв.—бесѣда о системахъ масонства; 2 февр.—о душевномъ состояніи ищущаго истины; 18 февраля—о приуготовленіи риторомъ товарища; 9 февр.—объ особенностяхъ приѣма; 16 февр.—чтеніе „Братскихъ увѣщаній“; 1 марта—бесѣда о превосходствѣ чловѣка надъ другими тварями; 5 апр.—поученіе; 3 мая—бесѣда о размышленіи надъ масонскими іероглифами; 19 іюня—о принятіи ученика; 16 авг.—о неаполитанской революціи; бесѣда о томъ, что сокровенность масонскаго ученія и его іероглифическая форма отнюдь не

дѣлають масоновъ подозрительными (по сочиненію „Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичествова во всеобщее благо государства, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія. Карла Губерта Лабрейхта фонъ Плуменека. Изд. 1816 г.)¹⁾. 9 сент.—бесѣда о предметахъ занятій ложи, 4 окт.—о значеніи лопатки и запона; 15 ноября—принятіе новопосвящаемаго; 29 ноября—бесѣда о смерти.

1821 г. 12 янв.—бесѣда о человекѣ, натурѣ и Богѣ. 2 марта—чтеніе масонскихъ актовъ.

Въ ложѣ *Златою Льва* 17 янв. 1820 г.—бесѣда о ежедневномъ обвиненіи совѣсти.

Темы бесѣдъ ясно указываютъ, что Андрей Петровичъ былъ истолкователемъ масонскаго ритуала по преимуществу. Перечисленные ложи входили въ составъ Провинціального союза, которымъ управлялъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій съ помощію Сергѣя Степановича Ланскаго. Почетное положеніе въ масонствѣ создало Андрею Петровичу связи огромной силы, не порывавшіяся до самой его кончины.

Въ исходѣ 1821 г., по требованію правительства, онъ подписалъ свое отреченіе отъ масонства. Даже заурядные масоны подписывали этотъ актъ со стѣсненнымъ сердцемъ. Отсюда можно судить о душевномъ состояніи отрекавшагося Андрея Петровича. Вынужденный дать свою подпись, онъ, однако, навсегда остался масономъ и высокое нравственное ученіе ложъ перенесъ цѣликомъ въ свою жизнь. Преданность масонскимъ завѣтамъ навлекла на него служебныя непріятности: убѣдившись, наконецъ, въ несомнѣстности чисто-нравственныхъ и обязательно служебныхъ началъ, онъ предпочелъ выйти въ отставку.²⁾ Въ

¹⁾ Политическія событія за границей, очевидно, вызвали въ Россіи толки, невыгодныя для масонства, а это отразилось на тѣхъ масонахъ, которые въ глазахъ правительства опасались показаться подозрительными; для успокоенія ихъ, повидимому, и была проведена эта бесѣда А. П. Римскаго-Корсакова. (И. М.)

²⁾ О столкновеніи Андрея Петровича съ новгородскимъ дворянствомъ есть указаніе въ печатаемыхъ письмахъ. Андрей Петровичъ сочувственно относился къ декабристамъ; Н. Д. Якушкинъ отмѣчаетъ: „въ Ладогѣ... вошелъ въ нашу комнату человекъ очень порядочной наружности; фельдъегерь хотѣлъ было не пустить его къ намъ, но вполнѣ смирился передъ нимъ, когда узналъ, что это былъ дѣйств. статск. сов. Римскій-Корсаковъ. Бесѣда съ Корсаковымъ была для насъ очень пріятна и любопытна.

Тихвинѣ осталась по немъ добрая и долгая память, какъ о человѣкѣ исключительной души.

Андрей Петровичъ былъ женатъ дважды—на княжнѣ Мещерской, скончавшейся въ молодыхъ лѣтахъ. и на Софьѣ Васильевнѣ, происхождение которой, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно.

Софья Васильевна была удивительною красавицею. Старожилы рассказываютъ, что красота ея увлекала многихъ, а одинъ лихой столычный офицеръ пытался даже увезти ее, но получилъ „отпоръ суровый“. Молва называетъ этого офицера Реадомъ, тѣмъ самымъ, про котораго въ послѣдствіи севастопольскіе солдаты пѣли: „Туды умнаго не надо,—ты пошли туды Реада.“

Отъ Софьи Васильевны Андрей Петровичъ имѣлъ сыновей Война. въ послѣдствіи контръ-адмирала и директора морского корпуса (1823—1871) и Николая, знаменитаго композитора. Къ воспитанію своихъ дѣтей Андрей Петровичъ вполне примѣнилъ велѣнія „Устава вольнокаменческаго“, который гласитъ:

„Ежели Великій Строитель даруетъ тебѣ сына, возблагодари Его, но трепещи надъ сокровищемъ, тебѣ довлѣннымъ, и содѣлайся для ребенка образомъ Божества“...

„До десяти лѣтъ будь ему повелителемъ, до двадцати отцомъ, до смерти другомъ“...

„Содѣлай его человѣкомъ честнымъ. но никоимъ образомъ ловкимъ человѣкомъ“...

Въ первой четверти прошлаго столѣтія, состоя на службѣ, Андрей Петровичъ подолгу гостилъ въ Тихвинѣ, гдѣ проживала его мамаша. Здѣсь онъ сблизился съ представителями мѣстнаго образованнаго общества, каковыми являлись духовный писатель архимандритъ

Онъ сообщил намъ нѣкоторыя извѣстія о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, и извѣстилъ насъ также о приѣздѣ Муравьева и Бестужева, съ которыми онъ видѣлся и которыхъ снабдилъ деньгами“ (Записки Якушкина, изд. 3-е, СПб. 1905, стр. 128). Воспоминаніе это относится къ началу ноября 1827 г., когда Андрей Петровичъ былъ новгородскимъ вице-губернаторомъ.

Тихвинецъ, извѣстный военный писатель, ген-лейт. Александръ Николаевичъ Витмеръ рассказывалъ, что Андрей Петровичъ, помимо его желанія, былъ уволенъ въ отставку и сосланъ на житье въ Тихвинъ, безъ права вѣзда въ обѣ столицы; такая кара постигла его, будто бы, за слишкомъ снисходительное и участливое отношеніе къ полякамъ на Волыни (И. М.).

Иларіонъ (Кирилловъ), поэтъ Александръ Абрамовичъ Крыловъ и литераторъ Яковъ Ивановичъ Бередниковъ, по происхожденію купеческій сынъ. Даровитый Крыловъ вскорѣ умеръ. Пріязнь къ Иларіону и Бередникову перешла въ прочную дружбу, которая поддерживалась постоянною перепискою. Изъ послѣдней сохранилась часть писемъ Андрея Петровича къ Бередникову.

Письма эти крайне любопытны и цѣнны, какъ матеріалъ для характеристики весьма незаурядныхъ людей и явленій первой половины прошлаго вѣка. Они, прежде всего, ярко отражаютъ личность самого автора, убѣжденнаго масона, не только умудреннаго, но, повидимому, и утомленнаго богатымъ житейскимъ опытомъ. Чуткая совѣсть увела его въ затворъ—въ маленькій тихій Тихвинъ,—и та-же совѣсть не позволяеть ему оставлять своего учительства въ отношеніи людей, признаваемыхъ имъ значительными: со своею высокою масонскою проповѣдью онъ подходитъ и къ Бередникову и, несомнѣнно, вліяеть на него. Любовно и мудро, примѣняя пріемъ посредничества, онъ воздѣйствуетъ на своего сына, побуждая того мыслить и развивать духовныя силы. Въ то-же время онъ работаетъ надъ собою: онъ усердный и вдумчивый „читатель“. Правда, вкусы его нѣсколько старомодны, онъ отсталъ отъ времени, но его влеченіе къ книгѣ, читательская пытливость, уваженіе къ знанію—поистинѣ трогательны.

Благородная, чуткая, кроткая душа и любознательно-вопрошающій умъ—вотъ господствующія черты въ образѣ Андрея Петровича.

Попутно письма даютъ представленіе объ идеально-нравственной барской семьѣ дореформеннаго времени. Это—большая рѣдкость; обычно старые документы касаются отрицательныхъ, а не положительныхъ явленій прошлаго.

Не ярко, но и не вполне ступшеванно выступаетъ въ письмахъ старый Тихвинъ, тотъ городокъ, что далъ маленькому Никѣ, впослѣдствіи—большому композитору, первыя впечатлѣнія бытія, изъ которыхъ выросло самобытное настроеніе, воплотившееся потомъ въ обаятельные звуки, столь родные и милые всякой русской душѣ. Красивый бытъ старыхъ тихвинцевъ и поэтической монастырь, въ сторону котораго смотрѣлись окна корсаковского дома, дали Николаю Андреевичу Р.-К. по его же признанію, богатый кладъ образовъ и звуковъ:

въ его музыкальныхъ твореніяхъ, ставшихъ національными, много тихвинскаго! На всю Русь звучить теперь кличъ тихвинскихъ бирючей, перезвонъ монашескихъ похоронъ, напѣвъ монастырской свѣтлой заутрени, своеобразная тихвинская пѣсня...

Письма отражаютъ также личность Воина Андреевича, положительнаго человѣка, открытой души и яснаго разума.

Отчасти отражаютъ они личность того, кому предназначались.— Я. И. Бередникова. Андрей Петровичъ цѣнилъ его не только, какъ ученаго, но и какъ увлекательнаго собесѣдника. Значить, Бередниковъ обладалъ извѣстными качествами, которыя способны сдѣлать человѣка увлекательнымъ, то есть многосторонностью, извѣстною широтою взглядовъ, чуткостью. Такимъ именно представляется онъ и у Плетнева въ его книгѣ „Яковъ Ивановичъ Бередниковъ и ученые его труды“ СПб. 1854 г.—Жаль, не сохранились отвѣтныя письма Я. И., которыя позволили бы безспорно опредѣлить его подлинныя воззрѣнія и вкусы. Но нѣкоторымъ частностямъ можно лишь догадываться, что они совпадали съ наклонностями Андрея Петровича, слѣдовательно для своего времени крайними отнюдь не были.

Въ общемъ—письма оживляютъ и освѣщаютъ два лика, бывшіе тусклыми, подлиннаго масона въ его житейскомъ быту и того „любезнаго читателя“, къ которому такъ любила взывать пишущая братія 30—40-хъ годовъ.

Андрей Петровичъ, по свидѣтельству „Лѣтописи“ его сына, велъ дневникъ, который, судя по содержанію и изложенію писемъ, былъ бы весьма важенъ для точнаго изученія масонскихъ вѣрованій. Гдѣ-то этотъ дневникъ?

Въ „Лѣтописи“ Николай Андреевичъ мало говоритъ о своемъ отцѣ. Объ этомъ можно только пожалѣть. А между тѣмъ событія конца 50-хъ годовъ, когда старый масонъ С. С. Ланской осуществлялъ на дѣлѣ прежнія, якобы несбыточныя, мечтанія, должны были отозваться на духовной жизни Андрея Петровича съ особенною силою...

Андрей Петровичъ погребенъ въ Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ, у главнаго Успенскаго собора, за придѣломъ Іоанна Богослова. На могилѣ простая сѣрая, уже врастающая въ землю, плита съ краткою надписью.

Софья Васильевна, переживъ мужа и старшаго сына, скончалась весьма въ преклонномъ возрастѣ (87 лѣтъ) въ августѣ 1890 г., и погребена на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петроградѣ.

Снимки съ ихъ портретовъ приложены при второй книжкѣ журнала *Тихвинецъ* за 1914 годъ.

И. Мордвиновъ.

1

Тихвинь. 12 окт. 1827.

Письмо ваше, почтенный и любезный другъ Яковъ Ивановичъ. отъ 3 числа меня совершенно успокоило.—Когда же вы официально устроитесь при Графѣ, то сердце мое возрадуется. Когда доведется мнѣ съ вами увидѣться, то немалымъ напитается любопытательное свойство мое.—¹⁾

Здѣсь все по старому.—Яхонтовъ все еще у меня гоститъ.—²⁾

Баронъ живетъ на каналѣ и зарытъ въ отчетахъ.³⁾

Малиновскій не можетъ дожидаться изъ Новгорода своей дочери и зятя.⁴⁾

Розлагъ перебирается на новую квартиру подлѣ Сусловой, противъ Унковского, близъ берега.⁵⁾ У Свѣтловскихъ гоститъ сестра Александра.⁶⁾—Бр. Павелъ часто ихъ навѣщаетъ.⁷⁾

Новый стряпчій есть существо изъ толпы погрязшихъ въ тинѣ крючкотворства.—Наружность неблаговидная.

¹⁾ Трудно догадаться, о какомъ графѣ идетъ рѣчь. Бердянковъ, оставивъ службу въ Одессѣ, находился въ это время безъ занятій, и былъ зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новгородской казенной палатѣ только 20 августа 1828 г. (собственноручное извѣщеніе вице-губерн. А. П. Римскаго Корсакова за № 128.)

²⁾ Яхонтовъ, вѣроятно,—Николай Александровичъ, управлявшій въ 30-хъ годахъ Новгородскою палатою государств. имуществъ, или его сынъ.

³⁾ Баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Розень—начальникъ мѣстнаго участка Тихвинской системы, инженеръ-капитанъ.

⁴⁾ Чиновникъ—колл. асс. Яковъ Павловичъ Малиновскій.

⁵⁾ Ротмистръ Розлагъ; дома Н. И. Унковского и Сусловой въ Тихвинѣ, на Богородицкой улицѣ, у монастырской аллеи.

⁶⁾ Василій Свѣтловскій былъ уѣзднымъ надзирателемъ сборовъ.

⁷⁾ Павелъ Петровичъ—братъ Андр. Петр.

Выномскіе живутъ еще въ дереввѣ. ¹⁾ Маргарита Путятина уѣхала въ Питеръ. ²⁾

Нѣсколько дней сухая и холодная погода угрожаетъ намъ зимою.
Любите и помните

Преданнаго вамъ Андрея Р. Корсакова.

Совѣтую вамъ въ обращеніи съ Графомъ быть разговорчивымъ, откровеннымъ, отброся всю дикость. Вы этимъ много выиграете. Развязность въ обращеніи зближаетъ. Не скупитесь на разказы, вы къ этому имѣете способность. А особенно когда случится обѣдать у Графини, то старайтесь быть веселымъ собесѣдникомъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы тамъ были на той же ногѣ, какъ у насъ.

2.

Новгородъ. 8 апр. 1828.

Братъ Павелъ прибылъ вчера изъ Петербурга.—Дѣло кончено.—Дѣйствія губернатора приписаны или незнанію порядка службы или личности противъ меня. За сіе ему отъ Государя выговоръ. Министру внутреннихъ дѣлъ замѣчаніе за продержаніе моей бумаги безъ производства. Дворянству ничего; а меня за *неприличныя на счетъ онаго выраженія* удалить отъ должности. ³⁾—Указъ уже состоялся.— Сюда еще не прибылъ.—Предваряя оный, я сказался больнымъ съ 6 числа. Поручилъ должность Чмутову. Сегодня послалъ министр финансовъ письмо объ исходатайствованіи мнѣ причисленія по особымъ порученіямъ. Самъ въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ ѣду въ Петербургъ, дабы постараться уладить все сіе до отбытія Государя 25 числа въ Варшаву. Жена остается здѣсь и съ нею бр. Павелъ. Возвратясь сюда въ исходѣ апрѣля, помышлять стану о переселеніи.

Вотъ вамъ, любезный другъ Яковъ Ивановичъ, все послѣдствіе. Тяжело моему честолюбію, полезно нравственности.—Переносу философически.—Плачу за ошибку ума. Некстати изложилъ правду. Уда-

¹⁾ Говорится о семьѣ „тихвинскаго фортшмейстера“ Павла Петровича Выномскаго; въ „Родословныхъ развѣдкахъ“ Н. Н. Капкина („О родѣ Выномскихъ“ т. I.) указаній на тихвинскую службу П. П. нѣтъ.

²⁾ Маргарита Петровна—жена Алексѣя Петровича Путятина—побочная дочь гр. Н. П. Шереметова, св. въ 1848 г.—Въ с. Наумовѣ, Тихв. у М. Н. Буткевича хранится ея портретъ 1818 г.—миниатюра на кости работы Деллапаса.

³⁾ Какое именно столкновеніе произошло у Андрея Петровича съ губернаторомъ и новгородскимъ дворянствомъ—намъ неизвѣстно.

леніе меня было цѣлю М. В. Д.¹⁾—А себѣ замѣчанія онъ не ожидалъ. Надѣюсь, что впереди все поправится. Впрочемъ, имѣю философскія чувства. Симъ успокоиваюсь.

Матушка²⁾ не должна знать, что я удаленъ. Я писалъ ей, что просился въ отставку и что она вышла.—Побывайте у ней и если кто либо проболтается, то поправьте.

Пишите пожалуйста по прежнему.—Отвѣчайте на сіе письмо. и расскажите не утаивая о восторгахъ и торжествѣ касты.

Посылаю отпускъ съ журнала, о васъ составленнаго. Самъ, какъ видите, списалъ.³⁾

Ваше письмо вчера получено. А. П. Унковскій⁴⁾ не стоитъ моего негодованія. Мое происшествіе не пятнитъ моея службы. Оно токмо порочитъ мое легкомысліе въ изобрѣтеніи средствъ выказывать умственныя способности мои. То извѣстно, что едва у М. В. Д. сладить могли съ изложеніемъ записки докладной. Надобно было обвинить кого нибудь. Лучше же пожертвовать однимъ...

(конецъ письма оборванъ).

3.

С. Петербургъ 20 авг. 1829.

Благодарю Васъ, любезный другъ Яковъ Ивановичъ, за ваше письмо, съ Соф. Вас.⁵⁾ присланное. Гречу нѣтъ надобности напоминать—все вами присланное немедленно было напечатано. Доказательство, что уважають таковымъ корреспондентамъ, какъ вы. Я съ удовольствіемъ читалъ о Крыловѣ. А о Царицѣ Даріи только перелисталъ.⁶⁾

¹⁾ Министръ Внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Евдокія Яковлева.

³⁾ Въ бумагахъ Я. И. Беренникова сохранилось извѣщеніе Нюргородскаго вице-губернатора съ подписью Рим.-Корсакова отъ 20 авг. 1828 г. за № 127: „Сего числа состоялся въ Новг. Казенной палатѣ журналъ объ опредѣленіи Васъ, по вѣдомству оной. въ число чиновниковъ по особымъ порученіямъ.“ Даты этого сообщенія и даннаго письма возбуждаютъ предположеніе, нѣтъ-ли въ нихъ ошибки? Повидимому, письмо относится не къ 1828, а къ 1829 году.

⁴⁾ Алексѣй Петровичъ Унковскій, крупный тихвинскій помѣщикъ, который, кажется, былъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства.

⁵⁾ Жена Андрея Петровича.

⁶⁾ Говорится о статьяхъ Беренникова: а) Александръ Абрамовичъ Крыловъ, русскій поэтъ. Некрологъ. *Сыз. Пчела*. 1829, № 92. (впоследствии перепечатано въ *Справоч. Словарѣ Старчевскаго*), б)—Духовное завѣщаніе четвертой супруги царя Ивана Васильевича Грознаго 1626 г. Марта 31. *Сызг Отец*. 1829, № 5; в) Письма четвертой

О новостяхъ вамъ не сообщаю, ибо все писалъ бр. Павлу. У него спросите.

Вы пишете, чтобы васъ не забывалъ. Слишкомъ прочно водворилось въ сердцѣ моемъ чувство уваженія, преданности и любви къ вамъ: въ неизмѣнности сего увѣряю васъ.

Преданный вамъ Андрей Рим. Корсаковъ.

4.

СПБургъ 15 ноябр. 1829.

Благодарю васъ, почтенный и любезный другъ Яковъ Ивановичъ. что дали о себѣ знать въ письмѣ 9, а мною полученномъ 13.—Вы справедливо изъясняетесь, что переселеніемъ вашимъ сюда вы будете гораздо полезнѣе, нежели въ теперешнемъ вашемъ мѣстопробываніи. Желательно, чтобы здоровье ваше было(!) улучшилось къ скорѣйшему исполненію вашего предположенія. Неотвергаемо то, что есть и въ Тихвинѣ знакомые способные удовлетворить требованіямъ, украшающимъ близкія сношенія, но часто сей градъ бываетъ пустъ и тогда токмо собственныя размышленія и столбцы. Жена моя благодаритъ васъ за воспоминаніе о ней. Увѣряетъ васъ, что ей здѣсь жить гораздо пріятнѣе, но пріятельницъ по сердцу, подобныхъ Бровцынымъ, не нашла. Въ семь отношеніи одна токмо Татьяна Николаевна оживляетъ ее. Соф. Вас. все это время была нездорова и теперь еще не освободилась отъ боли въ боку. Войнька¹⁾ также угрожали каклюшемъ. Теперь здоровъ.

Я всякое утро у должности, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ по мысли.²⁾ Но лучшее то, что я рѣшительно весь вечеръ свободенъ и никакого касательства до меня быть не можетъ. Знакомство мое превышаетъ двѣ дюжины номеровъ. Возвращаюсь всегда поздно.

Гр. Мих. Вельгорскій выѣхалъ изъ Парижа, соединился съ своимъ семействомъ, которое было въ Петербургѣ и теперь отправился въ Италію.³⁾

супруги царя Ивана Васильевича Грознаго къ боярину Салтыкову. *Сынъ. Отч.* 1829, № 32.

Въ „Критико—биогр. словарь“ Венгерова эти сообщенія Бередникова не отмѣчены.

¹⁾ Войнь Андреевичъ, род. въ 1823 г., ск. въ 1871 г. Впослѣдствіи воспитанникъ морского корпуса. Съ 1838 г.—мичманъ; совершилъ нѣсколько большихъ плаваній въ 1853—57 гг. Былъ директоромъ морского корпуса, преобразовалъ это учебное заведеніе и извѣстенъ, какъ администраторъ—воспитатель.

²⁾ Андрей Пегровичъ служилъ при Мин. финансовъ, въ Коммерческомъ банкѣ.

³⁾ Вельгорскій, гр., Михаилъ Юрьевичъ, извѣстный меценатъ и благотворитель. Посвященъ въ масонство въ ложѣ Палестины въ 1810 году. Съ 7 окт. 1818 г. префектъ капицула Феникса. Орденовое имя—Рыцарь Бѣлаго лебедя. Девизъ—чистота.

Государь совершенно поправляется. Но дѣлами не скоро еще заниматься долженъ.

Я замѣтилъ въ англійс. клубѣ, что Крыловъ¹⁾ любитъ читать Телеграфъ.

Любите и помните

Преданнаго вамъ Андр. Рим.-Корсакова.

5.

Прочитавъ въ газетахъ, что вы, почтенный и любезный другъ Яковъ Ивановичъ, награждены орденомъ Станислава 2 степ. и наименованы адъюнктомъ Академіи Наукъ, я возрадовался, что вы продолжаете болѣе и болѣе пользоваться одобреніемъ и уваженіемъ начальства, которое, какъ видно, за удовольствіе себѣ поставлетъ о васъ ходатайствовать. Всѣмъ любящимъ васъ и интересующимся всѣмъ тѣмъ, что съ вами случается, пріятно удостовѣряться, какъ отличнымъ вниманіемъ вы пользуетесь. Въ этихъ чувствахъ къ вамъ никому не уступая, за долгъ себѣ поставилъ васъ привѣтствовать, хотя впрочемъ ласкою себя надеждою видѣть васъ нынѣшнею зимою въ Петербургѣ. Но я желалъ и написать вамъ въ чайникъ, что и вы ко мнѣ напишете о вашемъ здоровьѣ и семейственномъ вашемъ положеніи, т. е. какъ поживаетъ супруга ваша и дѣтки, и сколько ихъ у васъ, и какого уже возраста, и гдѣ вы теперь квартируете. Адресъ ко мнѣ Орловской губерніи въ городъ Ливны.

Въ здѣшнемъ краю съ женою моею нахожусь съ 10 марта 1840 года безвыѣздно въ помѣстьѣ Скарятина. Теперь мы ожидаемъ сюда нашего сына Война въ отпускъ, располагаемся въ январѣ возвратиться въ Тихвинъ, а въ мартѣ прибыть въ Петербургъ, гдѣ и остаться до мая въ намѣреніи ѣхать за границу къ висбаденскимъ или ахенскимъ водамъ для пользованія жены моею отъ недуга, коимъ болѣе 5 лѣтъ страждетъ и отъ коего не пособили ни алопатическія, ни гомеопатическія средства.

Братъ мой Николай²⁾ въ нынѣшнемъ году съ женою своею былъ также за границую. Онъ живетъ на Фантанкѣ между Калинкинымъ и Цѣпнымъ мостами въ домѣ сенатора Трофимова.

¹⁾ Иванъ Андреевичъ, баснописецъ.

²⁾ Николай Петровичъ Р.—К., вице-адмиралъ, 1793—1848. Съ 1843 г. былъ директоромъ Морского Корпуса. Его жена—Полксена Ивановна, урожденная Сухотина.

Баронъ Розенъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генерала и находится въ Петербургѣ. ¹⁾

Здѣсь санный путь уже съ недѣлю, а въ прошедшую ночь выпало множество снѣга, но рѣки еще не покрылись льдомъ, ибо не было ниже 4 градусовъ.

Съ вашимъ Федоромъ Афанасьевичемъ состою въ перепискѣ. Не знаю какъ и благодарить его за всѣ одолженія его по финансовымъ моимъ дѣламъ. Безцѣнный характеръ. ²⁾

Прошу васъ о продолженіи вашего драгоценнаго для меня дружества. Вѣрьте, что я навсегда васъ почитающій, искренно любящій и преданный вамъ другъ

Андрей Римскій-Корсаковъ.

С. Троицкое. 18 ноября 1841 г.

6.

Тихвинъ. 27 апр. 1843.

Разныя статьи письма вашего, почтенный и любезный другъ Яковъ Ивановичъ, отъ 14 а, мною полученнаго, 16-го были прочитаны мною съ удовольствіемъ особеннымъ, потому что вы разсудили нѣсколько полюбомудрствовать. Постараюсь и съ моей стороны представить вамъ, по содержанію вашего письма, нѣкоторое сужденіе.

Во-первыхъ, о праздникѣ Воскресенія Христова, съ которымъ вы насъ обоихъ поздравляете. Мы благодаримъ васъ за воспоминаніе и взаимно васъ привѣтствуемъ, ежели вы были столько щастливы, что встрѣтили праздникъ въ чувствахъ, сообразныхъ всему тому, что церковное богослуженіе въ пѣніяхъ, чтеніяхъ и обрядахъ своихъ имѣетъ электризующаго для возбужденія благоговѣйнаго огня въ сердцахъ, расположенномъ подвергаться впечатлѣніямъ, свыше ниспосылаемымъ.

Вы пишете, что не унываете хотя по временамъ и прихварываете. А я въ себѣ замѣчаю нетерпѣливость, особливо съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ страдаю ревматическою(!) болью въ лѣвой ногѣ, подобною иногда боли зубной, и почти непрестающею. Миѣ и скучно, и я недоволенъ, и капризенъ, и брюзгливъ, и раздражителенъ. Изъ сего слѣдуетъ заключеніе, что не приобрѣлъ силы, о которой сказано у апост. Іакова.

¹⁾ Федоръ Федоровичъ, бывшій нач. водной системы въ Тихвинѣ.

²⁾ Кажется, Бѣлоносъвъ, — родственникъ Я. П. Бередникова.

Но вашему изъясненію вамъ кажется что „между тѣломъ и духомъ есть невидимая гальваническая струя“ и проч. Какое же вы занятіе дадите тому въ васъ, что именуется душою, ибо человекъ, по словамъ апост. Павла, состоитъ изъ духа, души и тѣла. Онъ именно говоритъ: и всесовершенъ вашъ духъ, душа и тѣло въ пришествіе Господа да сохранится.

Вы упоминаете о *живой водѣ*. Съ благоговѣніемъ указываю на ту, о коей говорится у Еванг. Іоанна гл. IV въ ст. 10 и 14; думаю, что мертвая и живая вода, о которой въ сказкѣ о Царь-Дѣвицѣ и Иванѣ Царевичѣ рассказывается не есть мифъ, а преданіе изъ занятія особыхъ испытателей природы, которымъ дано было готовить живую воду, исцѣляющую всякую тѣлесную болѣзнь. Полагаютъ, что она извѣстна была и Моисею. Прочтите въ XXXII главѣ Исхода ст. 20. Этакой воды ни въ какой аптекѣ, ни въ какой химической лабораторіи не готовятъ (о семъ между нами и не въ разговоръ никому).¹⁾

Статью вашу о ходѣ Русской исторіи желалъ бы прочесть. Буду вамъ благодаренъ, ежели съ собою привезете лѣтомъ въ Тихвинъ.²⁾

Готовъ при всякомъ случаѣ повторять, что я сердцемъ васъ любящій, умомъ почитающій и тѣломъ вообразительно обнимающій и любящій.

Преданный вамъ другъ Андрей Рим.-Корсаковъ.

7.

Тихвинъ. 18 сент. 1844 г.

Мѣсяць тому назадъ, какъ съ особеннымъ удовольствіемъ и признательностью къ вамъ, почтенный и любезнѣйшій Яковъ Ивановичъ. я прочиталъ ваше привѣтственное письмо отъ 15 августа. Очень сожалѣю, что на нынѣшній годъ лишень былъ случая пользоваться усладительными бесѣдованіями вашими.³⁾ Ибо всегда что нибудь приобрѣтаю. Впрочемъ, вы не ошиблись въ заключеніи, что настоящій образъ моей жизни удовлетворяетъ условіямъ искомаго мною отстране-

1) Здѣсь А. П. выражаетъ масонскія возрѣнія, которымъ онъ въ сущности не измѣнялъ до конца своей жизни.

2) Статьи Я. И. Беренникова „О ходѣ русской исторіи отъ Петра I до нашего времени“ была, повидимому, написана, но сохранилась-ли—неизвѣстно.

3) Я. И. Беренниковъ почти ежегодно прѣзжалъ на лѣтніе мѣсяцы въ Тихвинъ, но въ 1844 г. эта поѣздка у него не состоялась.

нія отъ суеты мірской. Конечно, и семейственная жизнь не безъ заботъ и сопряженныхъ съ ними нѣкоторыхъ безпокойствъ, но, во-первыхъ, заботы освящены законностію, а безпокойства только въ отношеніи къ самому себѣ, когда недоволенъ собственнымъ неискусствомъ, недостаткомъ соображенія въ направленіи вѣрренныхъ мнѣ Промысломъ служащихъ ближнихъ къ добру, которое познавать стараюсь. Правильна ваша похвала уединенію. Оно, ежели оживляется полезными занятіями, не только не скучно, но столь даже привлекательно, что многія посѣщенія постороннихъ становятся тягостными. Объ уединеніи сказано, что оно способствуетъ собранію разсѣянныхъ силъ. Я всегда благодарю Господа, что освобожденъ отъ обязанности служить. Моя служба была административная. Суетныя ея занятія, какъ облака, закрываютъ Господа; а суетныхъ запылій не мало, по причинѣ немалого числа лицъ, съ коими говорить и дѣйствовать должно было.

Въ семействѣ моемъ все благополучно; сынъ Ника, которому теперь идетъ 7 мѣсяць, здоровъ, миловиденъ и становится смышленъ.¹⁾— Сынъ Воинъ съ пользою лѣчится въ Лопухиновѣ.

Здѣсь недавно умерли ваши по здѣшнему дому сосѣди Ив. Троф. Парихинъ и Федоръ Лазаревъ.²⁾

Прошу васъ при свиданіи съ братцомъ вашимъ Григоріемъ Ивановичемъ ему отъ меня пріязненно кланяться, усердно благодарить за трудъ въ отсылкѣ ко мнѣ нѣкоторыхъ вещей и просить, чтобы *непременно* сообщилъ мнѣ для *респлаты*, сколько я долженъ за дѣтскую колясочку и за ящикъ финиковъ, ибо я никакъ не соглашаюсь принимать подобныхъ покупокъ въ видѣ подарковъ, а ежели онъ продолжать будетъ свое по сему предмету молчаніе, то заставитъ меня, къ сожалѣнію моему, отказаться на будущее время отъ его обязательныхъ услугъ.³⁾

Желаю вамъ всего лучшаго въ вашемъ семейственномъ и служебномъ быту. Прошу навсѣгда меня включить въ число васъ почитающихъ, любящихъ и вамъ преданныхъ.

Андрей Рим.-Корсаковъ.

¹⁾ Николай Андреевичъ, впоследствии знаменитый композиторъ; онъ родился 6 марта 1844 г. въ Тихвинѣ.

²⁾ До раздѣла имуществъ Берединыхъ Я. П. считался совладѣльцемъ каменнаго дома въ Тихвинѣ (у Гостиного двора); на углу Богородицкой улицы, рядомъ стоялъ существующій до сихъ поръ каменный домъ Лазарева; деревянный домъ Парихина примыкалъ къ Берединовскому съ другой стороны. Иванъ Трофимовичъ—отецъ мѣстнаго этнографа Григорья Парихина, печатавшего свои сообщенія въ „Маякъ“ 40-хъ годовъ.

³⁾ Г. П. Берединовъ—мѣстный купецъ, отецъ д-ра медик. Павла Г. Б. и извѣстнаго земскаго дѣятели Сергія Г. Б. (см. въ 1915 г.)

8.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Когда я прочелъ въ Высочайшемъ по гр. вѣд. приказѣ, что вы пожалованы въ экстраординарные академики, то побуждался тогда-же удостовѣрить васъ чрезъ письмо, что любящее васъ мое сердце ощутило удовольствіе¹⁾. Теперь вы возведены на высшую, кажется, учебную степень. Вы представляете собою единственную знаменитость города Тихвина. Кажется, въ васъ нѣтъ ученой спѣси и потому не гнушаетесь усиленно другихъ пріобрѣтать уваженіе къ ихъ умственнымъ способностямъ. Завожу объ этомъ рѣчь потому, что хочется мнѣ знать ваше мнѣніе о письмахъ Гоголя, которыя, вѣроятно, читали. Первый кто мнѣ о нихъ сказалъ, былъ московскій мой пріятель. Его слова были: „въ письмахъ Гоголя много сердечнаго и много высказано замѣчательнаго о нынѣшнемъ состояніи общества, особенно о ученыхъ. Чрезъ болѣзни и страданія лучъ благодати пробился въ сердце автора и освѣтилъ всѣ предметы въ новомъ для него свѣтѣ“.

Такой отзывъ возбудилъ мое любопытство. Я написалъ въ Петербургъ, чтобы книгу мнѣ прислали (коей еще не получилъ), а между тѣмъ объ отзывѣ московскаго пріятеля сообщилъ одному изъ петербургскихъ моихъ пріятелей и моему сыну.

Отвѣтъ перваго былъ слѣдующій: „читалъ я письма Гоголя; онѣ произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Въ многомъ мѣстѣ много умнаго, а въ другомъ—сухая гиль. Независимо отъ журнальныхъ сужденій мнѣ кажется, что не благодать, а нѣкотораго рода духовная гордость пробилась въ сердце автора. Проповѣдуя о своемъ смиреніи и ничтожествѣ, онъ тутъ—же диктаторомъ всѣхъ учитъ.“

Вопишь ко мнѣ написалъ: „письма Гоголя хвалятся многими, въ томъ числѣ моимъ товарищемъ, со вниманіемъ ихъ прочитавшимъ, только не обо всѣхъ письмахъ онъ равно отзывается. Онъ сказывалъ мнѣ, что Гоголь одержимъ нѣкотораго рода помѣшательствомъ. Его idee fixe та, что онъ можетъ сдѣлаться пророкомъ, что онъ изслѣдовалъ и глубоко изучилъ характеръ русскаго народа, въ состояніи будетъ предсказывать ему судьбы его, раскрыть будущее Россіи, и благовѣя предъ этою мыслию, предавшись ей всею силою своего во-

¹⁾ Я. П. Березниковъ утвержденъ въ званіи экстра-орд. академика по Отд. Русскаго языка и словесн. приказомъ 8 апрѣля 1847 г. за № 59, (а избраніе состоялось 6 февраля).

ображенія, онъ предпринимаетъ путешествіе ко гробу Господню, чтобы молитвою укрѣпить себя на предполагаемый подвигъ. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ намѣренъ продолжать свои „*Мертвыя души*.“¹⁾

И такъ, когда вамъ будетъ досужно, напишите ваше мнѣніе о письмахъ Гоголя.

Читаете-ли иностранныя газеты и въ нихъ статьи о происходящемъ въ Пруссіи. Уступивъ нѣкоторыя изъ своихъ правъ, король удерживаетъ за собою самовластіе. Это что то среднее между абсолютизмомъ и олигархіею.—Ни министерство, ни сеймъ не изображаютъ однако-же собою никакой партіи. Правительство—власть независимая ни отъ какой партіи, а просто государственная.—Сеймъ не есть большинство голосовъ господствующей партіи, но просто посредникъ между націею и правительствомъ, сообразующій съ требованіями сего опыта, извлеченные изъ наблюденій за внутреннимъ народнымъ бытомъ.

Вѣроятно, нынѣшніе гг. романисты, старающіеся изображать въ разсказахъ своихъ о походе не бывалыхъ лицъ, картины учреждений и общественныхъ бѣдствій, не преминутъ изъ происходящаго въ Пруссіи извлечь матеріалы.

Сучилось мнѣ недавно быть въ лавкѣ одного бородача, который, разсуждая со мною о холодномъ маѣ, сказалъ, что у него есть таблица, предсказывающая о состояніи атмосферы на 300 лѣтъ, и что въ ней онъ отыскивалъ, что погодою 1847 года правитъ планета Сатурнъ.—Вѣря сему, ожидать должно холоднаго лѣта и слѣдственно не слѣдуетъ ожидать вашего сюда пріѣзда. Для меня это будетъ дефицитъ въ слышаніи интереснаго вашего разговора.

Какъ мы поживаемъ—можете узнать отъ пріѣзжихъ вашихъ родныхъ, а какъ поживаетъ ваше семейство и вы сами относительно бы здоровья—о томъ прошу упомянуть, когда разсудите писать ко мнѣ. Въ нынѣшнемъ году я читаю по собственной подпискѣ: Ивалида, Journal de S Peter., Гражд. высоч. приказы, Сенат. вѣдом. и Messenger, отъ архимандрита—Сѣвер. Пчела и Христ. Чтеніе, Калискаго—Journal de franc., Revue Etrangeu и Отеч. записки. Попова—Библіотеку для чтенія.²⁾

¹⁾ Сообщаемые отзывы выражаютъ взгляды современниковъ Гоголя, — читателей, — на его „Переписку съ друзьями“; они очень любопытны и цѣнны для познанія читательской среды того времени.

²⁾ Калисскій—начальникъ дистанціи тихвинской системы. (Въ лѣтописи“ Н. А. Рим-Кор. неправильно названъ Калинскимъ).—Архимандритъ тихвинскаго Большаго монастыря Иларіонъ (Кирилловъ).—Поповъ, Петръ Ивановичъ—инспекторъ судоходства на тихвинской системѣ.

Многого въ двухъ толстыхъ журналахъ не успѣваю и прочитатъ. Въ Христ. Чтеніи меня интересовала статья архимандрита Макарія о христіанствѣ до Владиміра и до татаръ.

Напишите пожалуйста, что вы сдѣлали съ моимъ письмомъ къ графу Віельгорскому, т. е. былъ ли какой желаемый вами результатъ свиданія вашего съ нимъ. Я ему писалъ о васъ и предварительно, а потомъ въ письмѣ, которое вамъ доставилъ: но отъ него (по его обыкновенію) не имѣю никакого отзыва.

За симъ обще съ женою моею желаю вамъ и семейству вашему всѣхъ благъ.

Вѣрьте, что я навсегда васъ любящій, почитающій и вамъ преданный

Андрей Римскій-Корсаковъ.

16 мая 1847 Тихвинъ.

9.

Въ письмѣ вашемъ, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, отъ 16 іюля, до вашего сюда пріѣзда, въ статьѣ о письмахъ Гоголя вы обѣщали по прочтеніи книги сказывать ваше собственное мнѣніе. Не знаю, довелось ли вамъ заняться ею, но ко мнѣ самая книга дошла въ сентябрѣ и я почти всю прочиталъ.—Моего мнѣнія не излагаю, но докладываю, что изъ всѣхъ отзывовъ о письмахъ Гоголя, мнѣ сдѣланныхъ и въ печати появившихся, я признаю правильнѣйшимъ сужденіе кн. Вяземскаго. Онъ говоритъ:

„Предъ вами невымышленное лицо, которому авторъ, по произволу своему, придаетъ заблужденія, чувства, страданія. Нѣтъ, здѣсь человѣкъ, плоть и кровь, страдалецъ, братъ вашъ. Онъ изливаетъ предъ вами сокровеннѣйшія тайны свои съ духомъ сокрушеннымъ, испытаннымъ; онъ повѣряетъ вамъ все, что выстрадалъ, въ надеждѣ, что исповѣдь его можетъ принести нѣкоторую пользу ближнему. Можно быть болѣе или менѣе довольнымъ пріемами, изложеніемъ, которыхъ держался авторъ въ выраженіи мыслей, сужденій, вѣрованій. Но нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе книги его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безплоднымъ. Много въ ней, если не все, обращаетъ вниманіе человѣка на самого себя, направляетъ его невольно заглянуть въ душу, осмотрѣться, допросить, ощупать себя. Впрочемъ въ частностяхъ мало-ли что можно подвергнуть замѣчанію и въ чемъ можно поспорить съ авторомъ каждой книги. И въ этой не все можетъ быть принято безпрекословно. Случается автору передавать намъ желанія

своп, упованія, за выводы и заключенія непреложныя. Въ общности, въ отношеніи умозрительномъ, онъ почти всегда правъ, въ частныхъ примѣчаніяхъ къ дѣйствительности онъ иногда ошибается. Вскуду виденъ человекъ, который духовными изслѣдованіями надъ собою и жизнію донскался многого и дошелъ далеко. Но практическій человекъ отсталъ. Иногда онъ сбивается и видитъ новый міръ тамъ, гдѣ просто явленіе отрадное, но отдѣльное. Впрочемъ, тутъ дѣйствуетъ прекрасное начало—любовь къ ближнему и къ добру. Воплощенное и такъ сказать согрѣтое на огнѣ этой любви всякое благое желаніе, въ глазахъ его, уже осуществляется въ событіи. Когда онъ мысль свою устремляетъ на благую цѣль, онъ не видитъ препятствій и сплюю любви хотѣлъ бы творить чудеса, въ которые онъ вѣруеть.—Найдутся впрочемъ и другіе недостатки въ книгѣ его, но они искупаются общимъ достоинствомъ ея.—По прочтеніи ея нельзя не полюбить автора, не исполниться къ нему уваженіемъ. Нельзя человеку, не исключительпо преданному суетнымъ и житейскимъ потребностямъ, не позавидовать духовному состоянію его.—Чувствуешь, что это состояніе завсегоно цѣною многихъ бореній, высокихъ страданій, цѣною многихъ безснпницъ тѣлесныхъ и духовныхъ, въ которыхъ проявился ему истинны, имъ передаваемая живою и проникающею рѣчью. Все это заставляетъ каждаго призадуматься о самомъ собѣ.“

Досталъ я также всѣ номера, вышедшіе до августа СПетербургскихъ Вѣдомостей. Читалъ статью гр. Уварова: Поццо-ди-Борго и Шейнъ. Прекрасно написано. польза, этими двумя антивипологовскими рыцарями доставленная общему дѣлу, кажется мнѣ преувеличенною въ описаніи, видна цѣль автора и та, чтобы высказать свое съ ними знакомство, близость коего до такой степени, чтобы при немъ откровенно разговаривали, мнѣ представляется сумнительною.

Ирина Иваиовна¹⁾ была у насъ сего дня утромъ и объявила, что вечеромъ ѣдетъ. Это дало мнѣ мысль съ нею къ вамъ написать, но не позволяеть далѣе распространяться. Ожидая, что сами когда удосужитесь, что нибудь мнѣ напишете.

При желаніи Вамъ, Натальѣ Григорьевнѣ²⁾ и дѣткамъ вашпмъ быть здоровыми и встрѣтить и проводить холеру невредимо, прошу любить и помнитъ любящаго и поминающаго васъ

Андрей Римскаго-Корсакова.

Тихвинъ. 15 октября 1847 г. Среда.

¹⁾ Ирина Иваиовна—сестра Я. П. Бередникова, собправшася ѣхать въ Петербургъ.

²⁾ Наталья Григорьевна—жена Я. И. Б.

10.

Тихвинъ. 9 янв. 1848 г.

26 декабря получилъ я письмо ваше, почтеннѣйшій и любезный Яковъ Ивановичъ, отъ 23 числа, и только теперь подвинулся поблагодарить васъ какъ за изъявленіе праздничныхъ желаній, приписываемыхъ мною любящему насъ вашему сердцу, такъ и за все сказанное вами о Гоголѣ, Современникѣ, Сѣверной Пчелѣ, о предисловіи къ словарю и о трудахъ Хавскаго.¹⁾—Лучшее употребленіе, которае я придумаю сдѣлать изъ сообщеннаго вами состоятъ будетъ въ списаніи копій, которую отошлю къ сыну Воину, какъ болѣе меня вышканишему въ духъ восходящихъ журналовъ и русскихъ сочиненій. Онъ же и самъ занимается переводами для напечатанія въ журналъ изъ изданаго, которая однако-же по сіе время въ руки не попадетъ по управству издателей.

Вы жалуетесь на утомленіе отъ занятій служебныхъ, но и Тихвинъ не даетъ наслаждаться поэтической праздностью, которую Вы хвалите; напѣимъ святки, налагающіе иго извѣстныхъ изысканій не переводятъ кантія свободнаго вдохновенія, за недостаткомъ коего по необходимости прекращаю разговоръ съ вами и ограничиваю обычнымъ увѣреніемъ, что какъ всегда искренно желаю, чтобы все въ вашей служебной и домашней жизни было благополучно, такъ и теперь того же отъ сердца вамъ желаю въ теченіи наступившаго Нового года, о комъ сказано въ фельетонѣ № 1 СПб. Вѣдомостей, мною на сей годъ по рекомендаціи вашей выписанныхъ, сего послѣ обѣда слушалъ изъ устъ моей жены, васъ также съ новымъ годомъ привѣтствующей желаніями лучшими, нежели какъ опредѣлялъ г. Кожель, сказать, что выражаемая людьми такъ щедро въ Новый годъ желанія суть не что иное, какъ пустое упражненіе языка безъ всякаго участія сердца.— Не суть таковы и любящаго, почитающаго и преданнаго вамъ друга

Андр. Рим.-Корсакова.

11.

Тихвинъ. 29 янв. 1849 г.

Отвѣчая 9 янв. на ваше, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, письмо по части литературной, я, кажется, вамъ упомянулъ, что все

¹⁾ Очевидно, при отвѣтномъ письмѣ Беренниковъ приложилъ отпечатокъ предисловія къ Академическому словарю и свой разборъ сочиненій П. В. Хавскаго (XVIII присужденіе Демидовскихъ наградъ. М. 1848.)

вами написанное я сообщилъ сыну моему Воину, которому, какъ занимающемуся словесностью, оно могло быть полезно. Посылаю вамъ въ копія его отзывъ, прося васъ, меня, какъ профана, научить разсужденіямъ, которыми я могъ бы его ободрить на совершеніе предположеннаго труда.—А въ чемъ это предположеніе заключается, увидите изъ слѣдующаго его изъясненія, писаннаго еще въ январѣ 1847 г.

„Я желаю приобрѣтать знанія не для того, чтобы зарывать ихъ въ землю и вбить себѣ въ голову еще одинъ лишній предметъ, но для того, чтобы это знаніе послужило въ пользу другимъ.—Словомъ, не хочу знаній своихъ оставлять при себѣ, но желаю передать ихъ другимъ; передавать же свои знанія можно или изустнымъ преподаваніемъ или письменнымъ сочиненіемъ. Не чувствуя расположенія или способности къ первому, хочу испытать второе, хочу, искренно желаю быть современемъ однимъ изъ сотрудниковъ въ числѣ тѣхъ изъ нашихъ офицеровъ, которые стараются обрабатывать морскую литературу, до сихъ поръ еще очень бѣдную. Я избралъ себѣ одну отрасль этой литературы—*Исторію мореплаванія*, какъ потому, что вообще исторія есть предметъ очень меня интересующій, такъ и потому, что собственно за исторію мореплаванія еще никто не принимался, и слѣдовательно на этомъ поприщѣ не осудятъ и самый слабый трудъ.“ И проч.—

Что касается до перевода, коимъ онъ занимался, первую часть отослалъ въ Петербургъ для напечатанія въ Современникѣ, если примутъ и дадутъ плату, и вторую оканчиваетъ, то это купленная имъ въ Копенгагенѣ книга *Les guerres maritimes sous la Republique et l'Empire*.

Повторяю просьбу—напишите мнѣ Ваше сужденіе о его занятіяхъ для сообщенія ему. Одолжите этимъ любящаго и почитающаго Васъ друга.

Андрей Рим.-Корсаковъ.

—При письмѣ приложена выписка изъ письма Воина Андреевича, весьма краснорѣчивая для оцѣнки духовныхъ качествъ послѣдняго.

Выписка изъ письма Воина Андреевича Римско-Корсакова къ отцу.

Очень вамъ благодаренъ, милый папа, за выписку изъ письма Бередникова. Всегда пріятно слышать отзывъ о чемъ бы то ни было человѣка; къ которому имѣешь довѣріе. Наибольше же меня заинтересовалъ первый пунктъ его письма, гдѣ онъ горюетъ объ утраченной

свободѣ и праздности вдохновенія. Мнѣ, какъ нѣсколько рассчитывающему въ будущемъ на литературныя занятія, интересно извѣдать нѣкоторыя черты литературной жизни отъ человѣка, въ ней опытнаго, какъ-то Яковъ Ивановичъ. — Выраженное имъ въ письмѣ къ Вамъ заставило меня углубиться въ себя. —

Съ горемъ долженъ сознаться, что мнѣ не дана въ удѣлъ эта свобода вдохновенія, необходимая принадлежность литературнаго таланта, нѣтъ у меня этой вольности пера, которая выкладываетъ стройною рѣчью на бумагу мысли. Голова моя въ непринужденной думѣ или мечтѣ всегда работаетъ какъ то отрывисто, несладко, такъ что если бы въ эту минуту я пустилъ перо мое гулять по направленію мысли, безъ обработки вышелъ бы, конечно, порядочный хаосъ. Отъ этого, хотя и могу писать гладко, стройно, однако-жъ не иначе, какъ съ большимъ напряженіемъ. Какъ послѣ этого мнѣ искать въ письмѣ бездѣлья, досуга, какъ бы то могъ дѣлать истинный талантъ? Хочу тѣшить себя надеждою, что и въ этомъ можно допустить навыкъ и, слѣдовательно, возможность достичь свободы изложенія трудомъ и упражненіемъ; но все таки сомнѣваюсь, чтобы навыкъ могъ сдѣлать многое. Не развитъ ему подобнаго таланта во всей силѣ.

Съ такими размышленіями, пожалуй, можетъ совсѣмъ пропасть надежда, и дѣйствительно, если бъ я задумалъ заняться произведеніями вымысла, то, нѣтъ сомнѣнія, видя въ себѣ отсутствіе свободнаго вдохновенія, я отказался бы отъ моихъ проектовъ. Но теперь я думаю, что мнѣ вовсе не слѣдуетъ отчаяваться. Та отрасль литературы, которою я предполагаю въ послѣдствіи заняться, требуетъ болѣе терпѣнія, чѣмъ вдохновенія. Подобрать числа и событія немудрено; изложить ихъ стройно, связно — также не хитро. Жаль только, что стройность и связность не въ силахъ отнять у произведенія сухость, и я буду бояться этого. — Прискорбно мнѣ будетъ, если когда нибудь трудъ мой, совершенный съ возможнымъ тщаніемъ и добросовѣстностію, будетъ имѣть только достоинство скучнаго учебнаго руководства. Признаюсь, — въ моихъ честолюбивыхъ мечтахъ я желалъ бы лучшей участи моимъ произведеніямъ. Но я разсуждаю, что и учебная книга приноситъ пользу и утѣшаю себя мыслию, что, положивъ эту хотя бы и ничтожную лепту для пользы моей службы, я исполню мой долгъ честнаго и усерднаго служиваго.

Отзывъ Як. Ив. о *Современникѣ* меня радуетъ. Мнѣ лестно будетъ, если мой переводъ согласится принять въ журналъ, который пользуется мнѣніемъ такого заслуженнаго литератора.

Кстати о переводѣ. Я все еще не получаю о немъ никакихъ извѣстій, а онъ уже близокъ къ концу. Полагаю, что словарь академическій не худо бы вамъ приобрести. Я съ моей стороны современемъ постараюсь.—

12.

Милостивый Государь

Иковъ Ивановичъ.

На мое письмо отъ 29 янв. вы мнѣ отвѣчали 15 апрѣля, не коснувшись даже главной статьи зажитій сына моего.—Посему и я, получивъ 19 апр. ваше письмо, чрезъ мѣсяць васъ благодарю за праздничное привѣтствіе ваше,—докладывая, что не исполнилось по желанію вашему провести намъ праздники весело и благополучно. Съ самаго понедѣльника и во всю недѣлю и далѣе, бывъ оба нездоровы простудю, мы провели время въ нѣкоторомъ капризномъ состояніи духа. Впрочемъ, и безъ сего, по образу нашей жизни, въ ней нѣтъ того, что свѣтская публика признаетъ веселіемъ и благополучіемъ. Но какъ далѣе въ письмѣ нашемъ счастье на землѣ вы поставляете, кромѣ здоровья, въ спокойствіи и отсутствіи случайныхъ неурядицъ, то по распоряженію милосердаго Промысла, этимъ счастьемъ въ нѣкоторой мѣрѣ пользуемся. Такъ-же скука, признаваемая вами за зло, разрушающее всякое счастье, не поселилась въ семействѣ нашемъ, а посѣщаетъ только изрѣдка, когда по неосторожности допускаемъ воображенію извлекать изъ памяти положеніе и мѣстопребываніе, блистательнѣйшія теперешнихъ. Въ семействѣ нашемъ мужъ и жена живутъ въ ладу, стараются взаимно угождать, не предпочитаютъ препровожденія времени съ посторонними домашнему, умомъ, правилами и поведеніемъ старшаго сына утѣшаются, здоровьемъ и смысломъ младшаго сына довольны; въ необходимомъ не нуждаются. *Не по беззаконіямъ нашимъ творить намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздаетъ намъ.*

Нѣсколько критикуя предисловіе къ Русскому словарю, вы указали утѣдное училище, въ которомъ достать могу для прочтенія. Я тотчасъ же адресовался къ почетному смотрителю¹⁾, но не имѣю отзвѣта. Я не успѣлъ также прочитать въ недавно присланномъ ко мнѣ 3 номерѣ Отечест. Записокъ въ отдѣленіи *Критика* рецензію вашего

¹⁾ Феликсъ Михайловичъ Фель. У его дочери, Ольги, Николай Андреевичъ Р-К. учился въ дѣтствѣ музыкѣ.—(См. „Лѣтопись моей музыкальной жизни“, изд. 2-е, 1910, стр. 3).

словаря, но изъ перелистыванія замѣтилъ, что найдено многое, подлежащее порицанію.—

Вы пишете, что опять пріютились къ своимъ лѣтописемъ. И я недавно прочелъ присланную ко мнѣ изъ Петербурга брошюру: *Взглядъ на исторію Западной Руси*. Я ее давалъ читать архимандриту, обоимъ намъ показалось, что цѣль автора Сер. Пав. Шипова доказать, что напрасно помѣщики нашихъ западныхъ губерній причисляютъ себя къ полякамъ,—достигнута. Новико какъ будто ничего нѣтъ, но следено довольно удачно. Какъ вы о томъ судите?

Вы угрожаете оставить чрезъ годъ теперешнее ваше литературное поприще, приняться подъ тѣмъ же названіемъ за другое—погуше и попитательнѣе. Вѣроятно, хотите предпринять сочиненіе, которое прославило бы васъ, какъ классическаго историческаго автора, но разстанутся ли съ вами. Сумѣваюсь. Развѣ *нельзя оное творить и сею не оставлять?*—Одна уже благодарность да отличія, коими вы воспользовались, обязываютъ васъ докончить механическій вашъ трудъ, какъ вы его называете. Конечно,—тутъ нѣтъ данныхъ выказать геній, умъ необыкновенный, таланты; но не случайно же вамъ задала эта работа.—Помните сказанное: *tel brille au seconde rang, qui soectip au premier*.—Не отвергаю, что вы доказали существованіе въ васъ способностей и для блистательнѣйшаго занятія, но такъ намѣреніе ваше не есть нудящее васъ вдохновеніе или порывы пробивающагося огня творческаго, то обдумываемое желаніе, слѣдственно холодное, не представляеть ручательства, чтобы, измѣнивъ знакомому упражненію, вы постоянно предались новому.¹⁾

Написалъ вамъ откровенно, потому что васъ искренно уважаю и сердечно люблю.

Преданный вамъ

Андрей Римскій-Корсаковъ.

Тихвинъ. 16 мая 1848 г. Воскресенье.

¹⁾ Я. П. Березниковъ томился медлительною и незамѣтною работою въ Комиссіи, поглощавшею все его время; онъ мечталъ о живомъ литературномъ трудѣ и крупномъ успѣхѣ. Но Андрей Петровичъ совершенно вѣрно отбнилъ достоинства Березникова, какъ кропотливаго собирателя матеріаловъ по призванію. Впрочемъ, и это дарованіе Березникова погибало почти безъ примѣненія, т. к. отъ него требовали не глубины, не отчетливости, а только цевѣроятной быстроты

13.

Тихвинъ. 16 лив. 1849 г.

Какъ вы, почтенный и любезнѣйшій Яковъ Ивановичъ, въ письмѣ вашемъ отъ 30 дек., мною полученномъ 3 января, желаете моему семейству провести наступившій Новый годъ благополучно, такъ и я равномерно искренно радоваться буду, (если жизнь моя продлится), когда будутъ доходить до меня извѣстія о васъ, что полуболѣзненное состояніе ваше миновало и что ваша Наталья Григорьевна и дѣтки ваши пользуются здоровьемъ, которое поистинѣ есть драгоцѣннѣйшее достояніе въ семь мѣрѣ.—

Желаніями моими не касаюсь до служебныхъ вашихъ занятій, потому что не имѣю причины предполагать какою либо по сей части для васъ непріятность.

Есть однако жъ особое желаніе, а именно, чтобы Вы, какъ осѣдлый житель Тихвина, пожаловали къ намъ для вступленія во владѣніе нашимъ замкомъ¹⁾ и съ тѣмъ вмѣстѣ подарили бы меня вашими усладительными бесѣдами. А у меня изъ бумагъ, оставшихся послѣ брата Николая Петровича²⁾, есть нѣкоторыя, коихъ прочтеніе, если онѣ вамъ неизвѣстны, будетъ васъ интересовать.

Хвалимую вами *Съверную Ичелу* я постоянно читаю. Получаю также по рекомендаціи вашей СПбургскія Вѣдомости, съ фельетонистомъ которыхъ Булгаринъ пелемикируетъ (sic!). Буду опять получать *Сынъ Отечества*, коимъ былъ доволенъ. Пользуюсь отъ постороннихъ *Библ. для Чт. и Отеч. Записками*, но единственно для чтенія женѣ моей переводовъ съ иностранныхъ романовъ, хотя переводы неизящны. Ваше замѣчаніе о *тисъменности* вообще сообщилъ сыну Воину, который отъ насъ уѣхалъ 19 декабря, по возвращеніи въ Петербургъ перемѣнилъ квартиру и теперь поселился въ домъ бывшемъ Транцшель въ XI линіи, былъ дважды нездоровъ и потому не успѣлъ еще васъ посѣтить.

Сегодня у архимандрита послѣ обѣдни я пилъ чай вмѣстѣ съ бывшимъ попечителемъ, вашимъ вице-президентомъ кн. Дондуковымъ—

¹⁾ Въ этомъ году былъ окончательно отстроенъ скромный деревянный домъ Я. И. въ Тихвинѣ на углу Петербургской и Козьмодемьянской улицъ, у Вяжицкаго ручья. Современный видъ дома. уже утратившаго свой первоначальный обликъ, помѣщенъ въ Сборникѣ Новгород. общ. люб. древн., вып. IV, при нашемъ трудѣ—„Тихвинская старина“.

²⁾ Николай Петровичъ скончался 1 ноября 1848 г.

Корсаковымъ, пробывшимъ здѣсь съ дочерью и сыномъ для богомолья менѣе сутокъ.¹⁾

Господь да хранитъ васъ своею милостію, чего вамъ желаетъ почитающій, любящій и преданный вамъ.

Андр. Рим.-Корсаковъ.

14.

Тихвинъ. 3 февр. 1849.

Все, что вы, почтенный и любезный Яковъ Ивановичъ, изложили въ письмѣ вашемъ отъ 29 янв. по случаю видѣнной вами знаменитой Фанни Эльслеръ, было мною прочитано неоднократно съ особливимъ удовольствіемъ, какъ доставившее моему размышленію въ пищу непредставлявшіяся до того идеи. Впрочемъ, гдѣ то я читалъ, что и въ ранніе годы древности танцы почитались такимъ упражненіемъ, которое приличествовало однимъ особамъ испытанной чести и благоразумія. Таковымъ было оно во мнѣніи послѣдовавшихъ вѣковъ, таковымъ признавалось оно отъ всѣхъ великихъ людей на сценѣ историческаго міра. Танцы были въ величайшемъ почтеніи въ Греціи. Не меньше того и спартанцы ихъ одобрили, но въ Римѣ думали о нихъ противное. Кажется, Домиціанъ исключилъ изъ сената многихъ членовъ за то, что они плясали. Древніе вообще раздѣляли пляску на *кубическую*, *сферическую* и *оркестрную*. Пляска кубическая состояла изъ нѣкотораго рода борьбы или ломанія тѣла; сферическая—въ играни шаромъ или мячомъ, а оркестрная была самая употребительная и заключалась въ собственно такъ называемыхъ танцахъ. Вообще во всѣхъ націяхъ, какъ образованныхъ, такъ и непросвѣщенныхъ, танцы были въ великомъ употребленіи, у однихъ—какъ предметъ, достойный уваженія, у другихъ—какъ занятіе пріятное. Замѣчательно, что Давидъ плясалъ предъ ковчегомъ, славослова Бога и выражая священный восторгъ радости своей при возвращеніи въ Сіонъ.

И нашъ сынъ Воинъ видѣлъ Фанни Эльслеръ въ Эсмеральдѣ. Вотъ точныя слова его отчета.

—„Описывать мудрено то, что неизобразимо, но скажу только, что я остался въ восторгѣ отъ ея неподражаемой граціозности. Во всѣхъ движеніяхъ ея впечатлѣна такая земная страстная нѣга, мимика ея такъ жива, натуральна и выразительна, что находишься при-

¹⁾ Кн. Михаилъ Александровичъ Д.-К. (1794—1869); сынъ его, —вѣроятно Александръ Михайловичъ (1820—1893), впоследствии командующій войсками на Кавказѣ.

нужденнымъ и хореграфіи дать мѣсто между высшими изящными искусствами,—такъ способна она выражать все оттѣнки мысли и чувства. Только видѣвъ Фанни, можно узнать и оцѣнить все пластическое совершенство тѣлодвиженія, жеста и ощутить силу ихъ впечатлѣнія.“ —

Хотя вы и называете *Сынъ Отечества* журналомъ очель посредственнымъ, которымъ можно довольствоваться только за неимѣніемъ лучшаго, но по крайней мѣрѣ согласитесь съ фельетонистомъ Булгаринымъ, по рекомендаціи котораго я съ прошлаго года сталъ подписываться, что чистогою русскаго языка Мосальскій рачительнѣе прочихъ занимается.

Нѣсколько дней сряду мы прогуливаемся пѣшкомъ, пользуясь 3 гр. мороза и тихостию атмосферы. Пирѣ въ городѣ продолжаются. Я однажды токмо былъ на батѣ и то потому, что давали ваши родные въ день именинъ Григорья Ивановича¹⁾. Жена моя съ этого бала возвратилась въ 6 час. утра. Вчера женился сынъ Николая Каллистратова²⁾. Вѣроятно, будетъ пирушка танцевальная. Вчера здѣсь давалъ представленіе *Вантрилозь*; мы не любопытствовали.

Нашъ Воинъ не успѣлъ у васъ побывать какъ потому, что неоднократно болѣло у него горло, такъ и по недосугамъ отъ занятія статьею для Морского Сборника и улаживаніемъ печатанія его перевода, которое, наконецъ, принялъ на себя Жернаковъ за 500 р. серебромъ.³⁾ Вамъ и семейству вашему отъ искренняго сердца желаетъ всего лучшаго любящій, почитающій и преданный вамъ

Андр. Рим.-Корсаковъ.

P. S.—Ваша сестрица вчера поѣхала въ свое новое помѣстье. Фодоръ Афанас. пока держится въ довольно удовлетворительномъ положеніи.

15.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

19 февраля вашъ братецъ доставилъ мнѣ письмо ваше отъ 14 и потомъ при свиданіи сообщилъ о пожалованіи васъ въ статскіе совѣт-

¹⁾ Григорій Ивановичъ—братъ Берединова.

²⁾ Каллистратозъ—мѣстный торговецъ, очевидно, родственникъ Берединовыхъ.

³⁾ Переводъ Воина Андреевича вышелъ въ свѣтъ только въ 1851 г. анонимно подъ заглавіемъ: „Морскія войны времѣнъ французской Республики и Имперіи, соч. Журьенъ де-ла-Гравьера“. 2 части. СПб. 1851. 8°. Цѣна 2 р. 50 коп.

ники. Разумѣется, что я ему повѣрилъ, но для изъявленія вамъ искренняго удовольствія моего, какъ высокородному, ожидалъ публикати въ газетахъ. Въ полученныхъ сегодня номерахъ прочелъ указъ и не отлагаю моего вамъ привѣтствія. Скажите Натальѣ Григорьевнѣ, что я по истинѣ, непритворно очень доволенъ буду, когда адресовать къ вамъ буду письма, какъ къ превосходительному и думаю, что это случится прежде, нежели достигну 70 лѣтъ¹⁾.—Ежели къ почестямъ, коихъ удостоиваетесь, присоединяться будетъ лучшее состояніе здоровья и утѣшаться будете дѣтми вашими, то временный быть вашъ, устроенный вами самими силою умственныхъ способностей вашихъ, радовать будетъ, какъ и теперь, любящихъ и почитающихъ васъ, межъ коими въ первомъ пятичислѣ считайте преданнаго вамъ

Андрея Рим.-Корсакова.

Тихвинъ. 4 марта 1849.

P. S.—Вашему сужденію о слогѣ въ журналахъ и газетахъ долженъ уступить потому, что вы основательнѣе, нежели я, знаете въ чемъ состоитъ чистота русскаго языка.

О томъ, что будетъ говорено въ журналахъ о 4 томѣ Лѣтописей, коимъ вы занимались, кажется беспокоиться вамъ не слѣдуетъ²⁾. Вотъ напр. Сенковскій взялся опорочивать переводъ Жуковскимъ Одиссеи, и какъ же былъ самъ порицаемъ Булгаринымъ! Многіе критикуютъ не ради правды или изъ убѣжденія, а единственно для выказыванія своей ерудиціи и elokвенціи, коими сами прельщаются, не взирая, что другими эти таланты въ нихъ не признаются. А перепалка между фельетонистами Сѣв. Пчелы и С-Петербурекихъ Вѣдомостей, наводящая скуку на читающихъ пренумерантовъ, развѣ не есть доказательство мелочнаго разума рецензентовъ. Французскіе и англійскіе журналисты опорочиваютъ другъ друга, но токмо на счетъ политическихъ мнѣній. а чтобы придираться къ ошибкамъ правописанія, или опечаткамъ, или географическимъ или историческимъ промахамъ, то сего, кажется, между ними не водится. Неужели же они какъ писатели и издатели безъ погрѣшностей грамматическихъ и типографическихъ?

¹⁾ Наталья Григорьевна, какъ крестьянка по происхожденію, встрѣтила въ семьѣ Берединова сначала нѣсколько пренебрежительное отношеніе; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ. Возвышеніе мужа, поэтому, льстило ея самолюбію, и она, въ нѣку купца, очень хотѣла быть барыней—генеральшей. Андрей Петровичъ зналъ объ этой слабости, оправдывалъ ее,—и этимъ объясняется его положеніе, передаваемое въ письмѣ.

²⁾ Журнальныя рецензіи сильно волновали Я. И., понимавшаго, что его огромныя работы не лишены многихъ недостатковъ. Рецен. на 4-й томъ Лѣтописей появились въ Сѣв. Вѣдомостяхъ 1849 г. № 34 и въ Сѣверной Пчелѣ того же года, № 33.—

16.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Въ полученомъ мною 18 числа письмѣ вашемъ статья о духовной литературѣ столь меня интересовала, что я прочиталъ ее и архимандриту, который нашелъ, что вами она написана въ нравищемся ему духѣ. Я же поздравляю васъ съ знакомствамъ вашимъ съ Иннокентіемъ,¹⁾ котораго высокое просвѣщеніе, являющееся и въ бесѣдахъ его, мнѣ издавна было похваляемо губернаторомъ Волховскимъ,²⁾ когда Иннокентій архіерействовалъ въ Вологдѣ.

Вы пишете, что въ свѣтской литературѣ ничего замѣчательнаго нѣтъ, а меня извѣщаетъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, ею занимающійся, что профессоръ Ришельевского лицея *Зеленецкій*³⁾ издалъ разсужденіе объ особенностяхъ русскаго языка. Это разсужденіе имѣетъ нѣкоторую связь съ критическими взглядами на философію Канта, изданнымъ магистромъ Владим. Универс. *Гогоцкимъ*⁴⁾, ибо первый разбираетъ любимыя Кантомъ слова *разумъ*, *умъ*, *разсудокъ* по значенію ихъ филологически, т. е. гдѣ опредѣленіемъ ихъ смысла, по ихъ механическому, такъ сказать, составу, доказывается богатство Русскаго языка для выраженія самыхъ тонкихъ отличій этихъ трехъ познавательныхъ силъ души нашей. Впрочемъ, изложеніе Зеленецкаго менѣе заносится въ область кудревато-темныхъ объясненій.

Надобно вамъ сказать, что мой знакомецъ при всякомъ случаѣ ратоборствуетъ за честь русскаго языка. За то горе всѣмъ розовымъ губкамъ, которыя дѣлаютъ при немъ ошибку во французскомъ языкѣ. Тогда онъ и смѣется, и насмѣхается, и доказываетъ, что лучше избрать свой языкъ и учиться владѣть имъ ловко, нежели прибѣгать къ чуждымъ намъ звукамъ, исковерканнымъ знаніемъ которыхъ такъ безсмысленно кичится наше образованное общество, болтая на какомъ то фантастическомъ діалектѣ, воображая, что говорятъ чистымъ фран-

¹⁾ Иннокентій (Борисовъ), знаменитый проповѣдникъ, архіепископъ херсонскій род. 15 декабря 1800 г., ск. 26 мая 1857 г.—

²⁾ С. Г. Волховскій, вѣроятно—масонъ, былъ губернаторомъ въ Вологдѣ, а затѣмъ въ Самарѣ.

³⁾ Зеленецкій Константинъ Петровичъ, филологъ и историкъ литературы (1812—1858).

⁴⁾ Гогоцкій Сильвестръ Сильвестровичъ, философъ гегелевскаго направленія (1813—1889). Его книга:—Критическій взглядъ на философію Канта, Кіевъ, 1847 г.—

цузскимъ языкомъ. — Начните, — говоривалъ онъ дѣвицамъ и дамамъ (молодымъ, конечно), — и вы увидите, какъ ловко и легко польются къ вамъ всѣ любезности въ звукахъ, которыхъ и не знало ваше ухо. Сколько будетъ чувствъ новыхъ, незнакомыхъ вамъ въ этихъ звукахъ. Изъ благодарности, что и ваши милыя розовыя губки будутъ шевелиться для родного языка, онъ откроетъ вамъ такую сокровищницу выражений, что бѣдный мнимо-французскій вашъ языкъ приметъ всѣ формы и размѣры пигмея предъ нашимъ исполиномъ чудо-богатыремъ.

Кажется, однако-жь, что его и другихъ раторборцевъ гласы суть гласъ вопіющаго въ пустынь! Зараза еще слишкомъ сильна, хотя и замѣчается, что и младенецъ, (по употребленію), нашъ родной языкъ, шевелитъ плечами! Встанетъ, приподыметъ, родимый, да заговоритъ своимъ молодецкимъ голосомъ, да загремитъ этими дивными, плавными, пластически — роскошными звуками, всѣ языки, — его соперники нынѣ, — разлетятся въ прахъ.

Напр., какъ вѣрно и во всѣхъ оттѣнкахъ уловилъ геній языка нашего разныя стороны въ дѣйствіи самой мысли! — Если разобтуть, что такое: разумѣніе, уразумѣніе, мышленіе, размышленіе, смеканіе, пониманіе, сужденіе, обсуживаніе, умозрѣніе, отвлеченіе, знаніе, познаніе, познаваніе, вѣдѣніе, и пр., то всѣ эти слова говорятъ сами за себя; ими рѣзко и въ точности обозначаются тончайшіе изгибы нашей мыслящей силы въ ея дѣятельности.

Вы послѣднее ваше письмо назвали многорѣчивымъ. Какое же дать наименованіе моему, рассказывающему вамъ то о русскомъ языкѣ, что вы несравненно лучше моего знаете. — Виновать! Припишите желанію думать о васъ.

Дождатся Свѣтлаго праздника и проводить оный подъ благословеніемъ Божиимъ, касающимся всего вашего семейства и семейства петербургскаго брата вашего желаетъ искренно любящій и преданный вамъ покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ, 25 марта 1849.

PS. — Вчера похоронили Николая Ильича Астратова¹⁾. — Исцривникъ Обернибсовъ и становой Иванъ Потаповичъ Михайловъ²⁾ отставлены за нетрезвость и буйственные поступки, какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. — Вѣроятно, саяная ѣзда не прекратится и въ Свѣтлую недѣлю.

¹⁾ Астратовъ, тихв. мѣщанинъ; родъ Астратовыхъ издавна занимался въ Тихвинѣ иконописнымъ мастерствомъ.

²⁾ Иванъ Потаповичъ Михайловъ, кажется, былъ женатъ на сестрѣ Бередникова.

17.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ

Много мнѣ понравившемуся дѣльному разсужденію вашему о русскомъ языкѣ въ письмѣ отъ 1-го, мною полученномъ 4 апрѣля, не могу соответствовать никакимъ собственнымъ по скудости моихъ познаній въ словесности, но дамъ вамъ отзывъ словами Карамзина. можетъ быть, вамъ извѣстными.

На вопросъ, отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ, онъ отвѣчалъ:

„Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни русскихъ надобно искать отвѣта на вопросъ—для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели. Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однако жъ ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственное такъ называемое дарованіе, т. е. какую то особенную дѣятельность душевныхъ способностей, но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованной логикой, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего! Русскій кандидатъ авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Для образованія авторскаго таланта необходимо знать свѣтъ, т. е. посѣщать лучшее общество. Современемъ будетъ, конечно, болѣе хорошихъ авторовъ въ Россіи—тогда какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ.—Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда симъ обстоятельствамъ и ставятъ человека на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ поэтомъ.“

Карамзинъ полагалъ, что для образованія языка наше лучшее общество должно отказаться отъ употребленія французскаго языка, и говорить на отечественномъ и въ особенности совѣтовалъ это прекрасному полу, который имѣетъ большое вліяніе на образованіе языка разговорнаго.

Такъ мыслилъ Карамзинъ за сорокъ слишкомъ лѣтъ предъ симъ о русскихъ авторахъ и языкѣ.

Съ самаго перваго дня и во всю Свѣтлую седмицу у насъ распутица. Ледъ на рѣкѣ еще не тронулся, но вода возвысила его аршина на два. Ъздать на дрожкахъ, но по сторонамъ пути все еще покрыто снѣгомъ. Крапива не потѣшила насъ своимъ появленіемъ для любимыхъ нами изъ нея щей въ первый день.

(Притиска сбоку) Архимандритъ, отслуживъ заутреню и обѣдню въ первый день, съ тѣхъ поръ не выходитъ изъ кельи, ради кашля.

(Текстъ) Моя жена на Страстной недѣлѣ говѣла и слышала Христовскую заутреню, но я съ 22 марта не выхожу изъ дому отъ простудной боли, но не страданій, въ ухѣ, зубѣ и сперва насморка. Вчера разстался съ ветхимъ, единственнымъ на правой нижней челюсти кореннымъ зубомъ, который, кажется, былъ виновникомъ.

8 числа въ пятницу я уже зналъ о значительнѣйшихъ монаршихъ милостяхъ въ Москвѣ 3 апрѣля. Изъ всѣхъ обрадованныхъ меня интересовали гр. Закревскій, Перовскій, Волховскій и Скарятинъ. первый какъ служебный покровитель, второй какъ старинный знакомый, третій какъ другъ и четвертый какъ родственникъ.

Вамъ и вашимъ желаю дождаться Свѣтлаго праздника въ 1850 въ вожделѣнномъ здравіи и съ невозмутимымъ духомъ. Любящій, почитающій и преданный вамъ покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ. 11 апр. 1849.

P. S.—Не рехнулся ли Сенковскій, печатая свое мнѣніе, что герои Иліады и Одиссеи суть истые славяне, напр. царь *Распребыканъ Цестоподовичъ*.

18.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Въ одно время съ отзывомъ моимъ на ваше письмо на счетъ русскаго языка и частію французскаго, я сужденіе ваше (не именуя васъ) сообщалъ тому, котораго мысли по обоимъ предметамъ предавалъ вашей цензурѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

¹⁾ Закревскій Арсеній Андреевичъ, графъ, мин. внутр. дѣлъ; Перовскій—вѣроят-но Василій Алексѣевичъ; Волховскій—вологодскій губернаторъ, повидному—бывшій масонъ; Скарятинныхъ было много; о какомъ идетъ рѣчь—не знаемъ.

„Цензоръ вашъ написалъ: „нашъ языкъ богатъ словами, но не обработанъ, шатофъ и нѣсколько тяжелъ въ формахъ.“

Безспорно языкъ русскій еще вполнѣ не обработанъ. Да давно ли стали его обрабатывать? и кто наши работники? всѣ ли они люди гениальные, чтобы этому сокровищу, скрытому еще въ толстой оболочкѣ, дать надлежащій блескъ и чистоту. Другіе европейскіе языки всѣ перешли черезъ руки гениальныхъ воздѣлывателей, а нашъ только со временъ Кантемира и Ломоносова началъ составлять предметъ изученія и обработки. Впрочемъ, судя по краткости времени, въ которое онъ дошелъ до настоящей своей точки обработанности, онъ совершилъ большіе успѣхи, нежели въ свое время совершали другіе языки, старшіе его братья.

Что разумѣть г. цензоръ подъ неопредѣленностью и шаткостью, и особливо подъ *шаткостью* нашего языка? Я послѣдняго смысла рѣшительно не понимаю. Формы же нашего языка нисколько не тяжелы. Онъ до чрезмѣрности разнообразенъ и потому на выборъ каждаго мастера предоставляется усваивать себѣ его легкія формы.—Нѣтъ гибче, нѣтъ покладливѣе языка, какъ нашъ русскій.—Возьмите одно то, что мы можемъ для усиленія или ослабленія смысла рѣчи переставлять слова по нашему произволу, нисколько не нарушая правилъ грамматики! Съ какимъ же языкомъ вы будете такъ играть, какъ мячикомъ? Умѣйте только быть искуснымъ въ этой ловкой игрѣ.

—„Скажите, отчего происходитъ (пишетъ вамъ г. цензоръ), что французскихъ авторовъ XVIII и даже XVII вѣка можно не только понимать, но и читать съ удовольствіемъ и въ наше время? Попробуйте же прочесть Кантемира и Ломоносова, Тредьяковскаго, даже писателей Екатерининскаго вѣка; скажу болѣе—возьмите литературу нашу за 20 лѣтъ—словъ устарѣлъ и читать дико.“—

Тутъ что ни слово—приговоръ. Но справедливый ли? Въ XVII и въ XVIII вѣкѣ франц. языкъ уже является обработаннымъ и даже до такой степени, что съ того времени онъ не сдѣлалъ шага впередъ. Напротивъ, достигнувъ своихъ конечныхъ формъ по законамъ грамматики и синтаксиса, онъ сталъ на высшую точку своей обработанности, далѣе которой идти уже не могъ и послѣдующими писателями. менѣе гениальными нежели Вольтеръ, Корнейль, Расинъ, могъ только портиться, что и доказали послѣдніе прозаики, на которыхъ постоянно жалуются академики пуристы.

Время Кантемира и Тредьяковскаго должно, не по годамъ, конечно, ставить въ сравненіе съ писателями XI, XII, XIII и XIV вѣковъ, когда французскій языкъ начиналъ возникать и освобождаться отъ гальскихъ и латинскихъ звуковъ и формъ. Желалъ бы я знать, на-

шелъ ли бы г. цензоръ тоже удовольствіе, читая Г-жу Clotilde de Survile, какое находить онъ въ чтеніи писемъ г. Севинье?

—„Съ моей стороны, (говорить онъ), если бы нашъ языкъ, и былъ обработанъ до совершенства, я и тогда не рѣшился бы отдать ему первенство предъ другими.“—

Почему? Потому развѣ, что даже необработанный теперь до совершенства. онъ уже признается многими филологами, какъ одинъ изъ звучнѣйшихъ и пластически роскошныхъ языковъ. Г-жа Сталь говоритъ, что послѣ итальянскаго, только Русскій языкъ въ состояніи замѣнить гармонію музыки. А я помню, какъ восхищались звуками нашего языка мои спутницы—американки, когда отъ нечего дѣлать въ мальтійскомъ карантинѣ я знакомилъ ихъ съ стихами и прозою лучшихъ писателей. Не забуду, какъ однажды, прочитавъ имъ слѣдующую строфу:

Вокругъ волны, скачутъ волны!
 Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ
 Прямо стоитъ нашъ парусъ полный!
 Быстро мчится легкой челнъ,
 И расталкиваетъ волны,
 И скользитъ по склону волнъ!

я спросилъ ихъ: какъ вы думаете, что описывается въ этихъ стихахъ?—Не задумывавшись, онѣ отвѣчали:—„прибой воды“!

Ежели французскій языкъ, на который такъ упирается г. цензоръ уже обработанъ, то ему предстоятъ, конечно, только шаги назадъ, что онъ и дѣлаетъ; ибо бѣдность его элементовъ не допускаетъ уже большаго усовершенствованія; у русскаго же все впереди! И я того мнѣнія, что по богатству его началъ, особливо его средства съ славянскимъ, усовершенствованію его и предѣловъ не будетъ. Каждый новый талантъ, не говорю уже—геній, будетъ открывать въ немъ невѣдомыя сокровища для выраженія своихъ мыслей. У французовъ же остается только искать различіе мыслей въ талантливыхъ писателяхъ, разнообразія ихъ фантазіи, а слогъ, а способъ выразиться почти у всѣхъ одинаково хорошъ или одинаково дуренъ. Другой разницы нѣтъ и быть не можетъ. Законы языка не допускаютъ произвольной расстановки словъ, отъ которой у насъ зависитъ и плавность, текучесть, гармонія и сама сила рѣчи.

Когда вамъ будетъ досужно, то примите критику на сужденіе неизвѣстнаго вамъ любителя отечественнаго языка.

Наступившая холодная погода заставила опять топить печки во всѣхъ почти комнатахъ. Лодки начали отсюда отправляться къ Петербургу 18 апрѣля. Вашъ пріѣздъ сюда возвѣщается къ 1 іюня.—Желаю,

чтобы осуществился и тѣмъ доставлено было бы наслажденіе вашею бесѣдою имѣющему честь быть любящему, почитающему васъ. покор. сл.

Андр. Рим.-Корсакову.

Тихвинъ. 26 апрѣля 1849.

Р. S.—Архимандритъ съ первыхъ дней праздника и по сіе время сидитъ и больше лежитъ въ свой кельѣ. Со вчерашняго дня ему лучше.

19.

Тихвинъ. 10 мая 1849.

Сообщая сыну Воину все, что вы пишете мнѣ на счетъ русскаго языка и литературы и то, что пишеть мнѣ Лицейянинъ, я получилъ вчера отъ сына слѣдующій отзывъ:

—„Одинаково съ вами нахожу, что Бер. дѣльнѣе разсуждаетъ о качествахъ языка русскаго. Лицейянинъ видимо увлекается вліяніемъ Гоголя, ибо даже,—вѣроятно самъ того не замѣчая,—выражается гоголевскимъ языкомъ.—Восторженные пророчества его можетъ стать и сбудутся, но врядъ ли нашему поколѣнію удастся это увидать.

Совершенно согласенъ съ Як. Иван., что нашъ языкъ богатъ словами, но шатокъ, неопредѣленъ и необработанъ, но не могу признать, чтобъ онъ былъ тяжелъ въ формахъ. Чѣмъ же назвать его способность допускать большее число перестановокъ между словами одной фразы, не измѣняя ея смысла, какъ не *шбкостью*, *оборотливостью* и слѣдовательно *легкостью*? Этого свойства рѣшительно не имѣютъ французскій, англійскій и прочія дѣти латинскаго языка и нарѣчій германскихъ и кельтическихъ. Посмотрите, какъ однообразна форма ихъ періода, т. е. оборота рѣчи, подъ какія строгія неизмѣнныя правила она подведена, какъ сжата и тѣсна она; ей какъ будто циркулемъ отмѣрили границы и сказали: не смѣй мѣнять свой видъ; не растягивайся и не сжимайся. Отчего у всѣхъ хоть на примѣръ французскихъ писателей и писакъ вы видите тотъ-же слогъ, тотъ же языкъ? Они разнятся только въ формѣ разсказа болѣе или менѣе живой, игривой, или сухой, тяжелой, способъ же выраженія всегда одинаковъ. Какую бы пошлость они ни написали, ее читать легко, ибо проза у нихъ всегда одинакова: нѣтъ прозы тягучей, утомительной, равно какъ и прозы рубленой, отрывчатой, что замѣтите у нашихъ авторовъ. Оттого, я полагаю, легче было и совершенствоваться этимъ языкамъ, что они по недостатку гибкости скоро подводились подъ однообразныя формы, а слѣдовательно и подъ общія правила. Оттого и разговорный языкъ у

нихъ не былъ далекъ отъ письменнаго и скоро успѣлъ слиться съ нимъ въ одно цѣлое.—Нашъ языкъ потребуеъ болѣе трудовъ и времени на обработку. Чтобы ни говорила натуральная и какая бы тамъ ни была школа, у насъ все еще нельзя писать такъ, какъ говорятъ, и говорить такъ, какъ пишутъ. Всѣ попытки въ этомъ родѣ выходятъ дико и нескладны.—Въ самомъ письменномъ языкѣ нашемъ до того не достаетъ логической обработки, что какъ бы ни увѣряли въ противномъ, а въ немъ все еще существуютъ *высокій* и *простой* слоги, чего въ другихъ языкахъ давно уже нѣтъ. Лирическая проза у насъ не вынесетъ той обстановки, тѣхъ формъ періода, какія свойственны обыкновенной житейской прозѣ. О разговорномъ языкѣ и говорить нечего; онъ такъ искаженъ, изуродованъ отсутствіемъ всякихъ правилъ: а всего болѣе вводными частицами: *говорить*, или *говорять*, *такъ сказать*, *относительно*, *возьмите себѣ*, *между тѣмъ*, и т. п. Такъ частицы эти вошли у насъ въ привычку, что скоро очиститься и разработаться ему невозможно. И такъ нашимъ языкамъ разговорному и письменному, кромѣ того, что сливаться, сближаться, предстоитъ еще очиститься отъ разнаго сору. Прибавьте къ тому, что нашъ языкъ съ своимъ избыткомъ словосочетаній и словопереставленій, не допуститъ сжать свой періодъ въ однообразныя, однажды навсегда указанныя формы, и судите послѣ того, скоро ли онъ достигнетъ совершенства въ обработкѣ. А между тѣмъ нельзя не надѣяться, что языкъ нашъ при совершенствѣ обработки приметъ гигантскіе размѣры предъ ублюдками западной Европы, и хотя Бер. справедливо замѣчаетъ, что *разумъ человѣскій только во всѣхъ языкахъ въ совокупности отражается можетъ*, однакожъ нельзя утверждать, что всѣ языки въ полномъ своемъ развитіи равны ростомъ: непременно одному болѣе не достаетъ, чѣмъ другому. Я не знакомъ съ греческимъ и латинскимъ языками, но про французскій и англійскій скажу, что они при всемъ своемъ совершенствѣ, во многихъ случаяхъ окажутся безсильны, безцвѣтны и водяны предъ нашимъ младенцемъ. Какъ ни трактовать мечты Лицеянина, но онѣ всегда будутъ имѣть достоинство возвышеннаго благородства, основаннаго на пылкомъ патріотизмѣ, и еслибъ большинство нашей публики такъ мыслило, то можетъ статься разработка нашего языка пошла бы живѣе.

Что же касается до литературы нашей, то она дѣйствительно въ плохомъ и жалкомъ состояніи. Она такъ мало двигается впередъ, что выписанное вами мнѣніе о недостаткѣ авторскихъ талантовъ, имѣеть и теперь ту-же силу, что лѣтъ можетъ быть двадцать тому назадъ. Дѣйствительно между нашими писателями и журналистами такъ мало людей, основательно изучившихъ характеръ языка и тщательно, доб-

росовѣстно изслѣдовавшихъ его корни и развитіе, что къ нашему *печатному* рѣшительно нельзя имѣть довѣрія. Всѣ они, какъ кажется, думаютъ, что довольно умѣть гладко излагать свои мысли, чтобъ быть писателемъ".—

Когда вамъ, почтенный и любезный Яковъ Ивановичъ, будетъ досугъ, то скажите нѣсколько словъ о сужденіи моего семейственнаго писаки, которому я до того и отвѣчать не стану, удерживаемъ будучи невѣжественностью моею во словесности.

У архимандрита я былъ въ воскресенье 8 числа. Ему получше, по кашлять не перестаетъ. Онъ располагалъ въ тотъ день прогуляться въ садъ, но какъ былъ вѣтеръ, то едва ли не отложилъ.

По сію пору не выходила апр. книжка *Сынъ Отечества*,—не запатался ли отъ пустоты въ корманѣ, хотя и хвалился числомъ подписчиковъ. Вообще присылка въ Тихвинъ журналовъ не своевременна. Отправители изъ газетной экспедиціи Сѣвер. Пчелы и Академ. Вѣдомостей также неисправны.

Но я исправенъ въ томъ, что не чувствую въ себѣ никакого умаленія въ томъ почтеніи, любви и усердномъ участіи, которыя при- выкъ къ вамъ питать, или лучше сказать сохранять.

Покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

20.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Еще 12 ноября я получилъ письмо ваше отъ 8 числа и не давалъ по сіе время никакого отзыва. Тому причиною выжиданіе оказіи, которая заявлена была въ намѣреніи вашихъ родныхъ по первому зпмнему пути ѣхать въ Петербургъ. Сегодня сестрица ваша объявила, что ѣдетъ въ среду, вотъ я и принялся за перо.

Въ первой статьѣ вашего письма, изъявляя радость, что гр. Ув.¹⁾ остается президентомъ академіи, говорите, что нѣтъ ничего вѣрнаго о томъ, кто заступитъ его мѣсто, какъ М. Нар. Просв.—А до меня дошло слѣдующее свѣдѣніе: составленъ будто бы особый комитетъ.

¹⁾ Уваровъ Сергій Семеновичъ, графъ.

(конфиденціальный) подъ предсѣдательствомъ Гр. Блудова изъ членовъ: бар. Корфа, ген.-адъют. Анненкова, Ростовцева и еще кого-то для пересмотра уставовъ М. Нар. Пр. вообще.—Нѣтъ сомнѣнія, что только по окончаніи занятій этого Комитета вручится кому нибудь портфель министерскій. Есть слухи, что будто бы для этого назначаютъ ген. адъют. Перовскаго.¹⁾ Какъ въ немъ много рыцарскаго и благороднаго, онъ остроуменъ, не безъ образованія, далеко, конечно, уступая въ томъ гр. Уварову, (котораго жена—дочь того же отца, что и Перовскій), но можетъ быть превосходя его въ умѣніи писать по русски,—но выборъ одобряется.

Вторую статью вы доказываете, что чтеніе романовъ дозвоительно и намъ старикамъ *по воспоминанію*.—Я же издавна не могу прочесть никакого романа иначе, какъ читая вслухъ кому нибудь или самъ слушая читающаго. Такъ въ двадцатыхъ годахъ въ Тихвинѣ я, прелагая по-русски, прочелъ бр. Павлу Петровичу всѣ романы В. Скота и Купера и слушалъ его, читающаго русскія изданія²⁾.—Въ 1827, когда поступилъ въ вице-губернаторы до 1836, когда вышелъ въ отставку, ничего не читалъ.—Съ тѣхъ же поръ жена и Воинъ (когда бываетъ здѣсь въ отпуску) или меня слушаютъ читающаго, или сами читаютъ для меня.—П. Ник. Яхонтовъ³⁾ находилъ, и я съ нимъ въ томъ согласенъ, что романы не питаютъ ни смысла, ни сердца, что читающій отъ нихъ не становится ни умнѣе, ни добрѣе. Но по моему мнѣнію, занимающійся литературою имѣетъ право и даже нѣкоторую обязанность знакомиться съ изложеніями и этого рода.

На журналъ *Сынъ Отечества* подписываться не буду, потому что въ нынѣшнемъ году, издавъ 5 книжекъ въ свое время, г. Массальскій прислалъ іюньскую книжку въ исходѣ октября и еще сентябрьскую въ исходѣ ноября, говоря, что іюль, авг. и окт. печатаютъ въ разныхъ типографіяхъ. Ничего и въ замѣнъ не выберу, потому что не имѣю времени для собственнаго журнала, когда получаю три отъ постороннихъ, которыхъ задерживать не долженъ.

Какъ неодаренный памятью и профанъ въ живописномъ художествѣ, я только просмотрѣлъ статью въ газетахъ объ академической выставкѣ графа Салтыкова. Ежели онъ сынъ Григорья, кажется я знаю по знакомству съ его отцомъ.

¹⁾ Перовскій Василій Алексѣевичъ, графъ, сынъ гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и Маріи Михайловны Соболевской, впоследствии по мужу Денисьевой.

²⁾ Ясно, что Андрей Петровичъ хорошо владѣлъ англійскимъ языкомъ.

³⁾ П. Н. Яхонтовъ,—не братъ ли поэта и не сынъ ли Николая Александровича Яхонтова, управлявшаго въ концѣ 30-хъ годовъ Новгородскою палатою государственныхъ имуществъ?

Ежели вы взялись хлопотать объ опредѣленіи вашего племянника, то это „куда нибудь“ конечно будетъ съ пользою для него. Хорошо ли у него почеркъ, какъ самое выгоднѣйшее и необходимое условіе быть употреблену? ¹⁾

Вы скучаете, не имѣя при себѣ дѣтей. Мы очень понимаемъ и потому положили нашего Нику, если Богу угодно будетъ, помѣстить въ военно-учебное заведеніе не прежде, какъ по достиженіи имъ 12 лѣт. возраста.—

Отъ старшаго же нашего Воина получили уже 4 письма: 1-е—изъ Портсмута, 2-е—съ Мадеры, 3-е—изъ Лиссабона и 4-е—Мадеры.—По-сылаю вамъ выписку для прочтенія на досугѣ и возвращенія чрезъ Лизавету Ивановну. ²⁾ Съ 12 окт. онъ находится въ Лиссабонѣ, гдѣ пробудетъ до Нового года, а тамъ опять къ Мадерѣ. У моей Соф. Вас. . какъ любительницы растительнаго царства, разыгралось воображеніе, читая Воиново письмо.

Надѣюсь, что Лизавета Ивановна привезетъ мнѣ отъ васъ конфиденціальное письмо. Ежели въ этомъ промежуткѣ времени ничего еще не рѣшится, кому быть М. Н. П., то сообщите намъ останавливаются достовѣрнѣйшія догадки.—Думаю, съ моей стороны, что заслуживающій всякаго уваженія кн. Шир.-Шихматовъ ³⁾ не можетъ быть въ числѣ кандидатовъ, не взирая, что издавна товарищемъ и навѣкъ имѣетъ править Министерствомъ. Одной путины не достаточно тамъ, гдѣ надобно изобрѣтать улучшенія и отвращать порчу, всегда во мракѣ дѣйствующую на смыслъ обучающихся. Онъ же былъ бы безгласнымъ членомъ Госуд. Сов. и Ком. Министровъ. Тутъ надобно быть рационалистомъ.

Съ архимандритомъ выдаюсъ каждое воскресенье. Онъ рѣже прежняго служить; хотя не быстро, но дряхлость уже проникаетъ въ его составъ.

Прошу засвидѣтельствовать Натальѣ Григорьевнѣ о нашемъ желаніи, чтобы она утѣшалась успѣхомъ своихъ дѣтокъ и внимательно наблюдала бы: не производится ли какая либо перемѣна къ худшему въ образѣ мыслей ихъ и нрава отъ столкновеній и знакомства съ другими дѣтьми? Дѣти вообще воспримчивы и узванное ими скорѣе скрываютъ, нежели обнаруживать.

¹⁾ Трудно догадаться—о какомъ племянникѣ идетъ рѣчь. У Бередникова былъ братъ Василій Ивановичъ, послѣ кончины котораго остались маленькія дѣти. Не о его ли сынѣ заботился Бередниковъ?

²⁾ Лизавета Ивановна—сестра Бередникова.

³⁾ Ширинскій—Шихматовъ Платонъ Александровичъ, князь,—вопреки предположенію Андрея Петровича,—былъ назначенъ министромъ нар. просвѣщенія.

За симъ желаемъ, чтобы вы съ семействомъ окончили этотъ годъ и встрѣтили Новый благополучно и не забывали бы искренно васъ любящихъ тихвинскихъ прибрежныхъ жителей.

Преданный вамъ

Андр. Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ. 4 декабря 1849.

P. S. —Одолжите, принявъ на себя трудъ, отдать прилагаемое письмо вашему директору канцеляріи для передачи его брату. съ коимъ онъ живетъ въ одномъ домѣ.—¹⁾

21.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Хотя и просилъ я Вѣру Алексѣевну объяснить вамъ причины, удерживавшія меня дать отзывъ на ваше ко мнѣ письмо отъ 31 апр., мною полученное 24 числа, но на случай, если вы въ нынѣшній разъ на лодкѣ Контушихи²⁾ не выѣдете изъ Петербурга къ намъ въ Тихвинъ, въ которомъ пишуцій сіе жаждетъ свиданій съ вами. я рѣшаюсь авось послать цидулу, которая, если не будетъ елеемъ утѣшенія въ вашей скорби (говоря вашими словами), по крайней мѣрѣ послужитъ новымъ доказательствомъ, что въ корреспонденціи съ вами нахожу пріятное для меня занятіе, а въ чтеніи вашихъ писемъ наслажденіе.

То, что вы усмотрѣли въ Норовѣ, т. е. его привѣтливость въ обращеніи, согрѣваемая добросердечіемъ,—была всегда чертою его характера, когда я познакомился съ нимъ тому слишкомъ 30 лѣтъ назадъ. Но высокой образованности тогда въ немъ не выказывалось, она ограничивалась познаніями артилерійскаго офицера. Мы бывали вмѣстѣ въ такихъ вечернихъ собраніяхъ, гдѣ ни о чемъ, кромѣ какъ о серьезныхъ предметахъ разсуждаемо не было: по онъ, бывало, слушалъ, а самъ ни словечка. Впрочемъ, какъ съ 1820 года я его не видалъ,

¹⁾ Директоромъ былъ Василій Дмитриевичъ Комовскій; письмо предназначалось очевидно, его брату Алексѣю или Сергѣю, лиценсту.

²⁾ Контушиха, т. е. Контушева, владѣлица лодокъ; лѣтомъ сообщеніе Тихвина съ Петербургомъ поддерживалось лодками, гдѣ для пассажировъ сдавались помѣщенія, именуемыя „лычками“.

то, судя по изданому имъ путешествію, полагаю, что онъ въ нашихъ бесѣдованіяхъ не былъ истуканомъ.—¹⁾

Архимандритъ только въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ получилъ Христіанское Чтеніе, 5 книжекъ вдругъ. Посланныя имъ деньги затерялись было въ газетной экспедиціи.—

Коль скоро нѣтъ законной управы съ неисправными издателями журналовъ, то напредки, согласно совѣту вашему, избѣгать буду льстивыхъ обѣщаній и рекомендацій. Боюсь, не попалъ ли я въ просакъ и въ нынѣшнемъ году: Българинъ въ № 26 Сѣв. Пчелы рекомендовалъ подписаться на книгу подъ заглавіемъ *Живописный сборникъ*, которая долженствовала выйти въ апрѣлѣ. Издатель Плюшаръ, а подписка принималась у книгопродавца Ратькова. 6 февраля я ему послалъ 5 руб. сер. и понынѣ о выходѣ въ свѣтъ книги даже въ газетахъ нѣтъ публикаціи.

Вы поздравляли съ праздникомъ Воскрешаго Спасителя, а мнѣ приходится желать, чтобы праздникъ Вознесшаго Спасителя, день въ который это письмо до васъ дойдетъ, былъ вами и семействомъ вашимъ проведенъ невозмутимо какимъ либо нездоровьемъ или безпокойствомъ. Но преимущественно желаю вамъ въ этотъ день проникаться тою радостію, о которой сказано въ 52 ст. XXIV гл. Луки Еванг.

Любящій, почитающій и преданный вамъ покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

29 мая 1850 Тихвинъ.

22.

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ.

Недоумѣваю: какимъ разговоромъ сдѣлать интереснымъ для васъ мое, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 7, мною полученное 11 августа. Неправильно однакоже мое предисловіе, потому что вспомнилъ о пребываніи въ нашемъ Тихвинѣ великихъ князей.²⁾ Они въѣхали въ городъ 3 авг. въ 6^{1/4} по полудни и, не останавливаясь у Введенскаго мо-

¹⁾ Повидимому, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ посѣщалъ масонскія ложи, но былъ тамъ въ степеняхъ не высокихъ.

²⁾ Тихвинъ посѣтили 3 авг. 1850 г. Великіе Кн. Николай и Михайл Николаевичи.

настыря,¹⁾ не взирая на ожидавшихъ монахинь, проѣхали къ часовнѣ Бол. монастыря, вышли изъ экипажей и въ сопровожденіи толпы народа дошли до святыхъ воротъ, гдѣ встрѣчены были едва державшимся отъ болѣзни на ногахъ архимандритомъ съ прочими²⁾). Войдя въ церковь, они стали у праваго клироса, прочтена была эктенія и провозглашено многолѣтіе, за симъ они стали предъ чудотворною иконою, къ которой послѣ молебна они прикладывались. Потомъ осматривали ризницу и пошли въ теплую церковь для воззрѣнія на картину, изображающую перенесеніе иконы Имп. Павломъ.³⁾ Когда они туда шли по узкой дорогѣ мимо гробовъ, то архимандрита поддерживали съ правой стороны самъ Вел. Кн. Николай, а съ лѣвой дьяконъ Павелъ. Изъ теплой церкви они вошли въ келью архимандрита и выпили по чашкѣ чаю. У свят. воротъ они сѣли въ городской экипажъ предводителя Унговскаго⁴⁾ съ Ген.-адъют. Философовымъ и предводителемъ, а генер. Корфъ съ находящимися при Вел. Князьяхъ оберъ-офицерами Гр. Шуваловымъ и Кн. Трубецкимъ въ другомъ экипажѣ отправились въ Введенскій монастырь, гдѣ осмотрѣли гробницу царицы⁵⁾, входили въ трапезу и были у Игуменни⁶⁾). Оба Вел. Кн. отличаются благоговѣніемъ въ храмахъ, привѣтливою снисходительностью въ обращеніи. Старшій общаетъ величественную осанку отца.

1) Введенскій жен. монастырь находится на окраинѣ города, за рѣкою Тихвинскою, но дорогѣ въ Ладогу.

2) Архимандритомъ Иларіономъ.

3) Императоръ Павелъ съ императрицею и наследникомъ посѣтилъ Тихвинъ 8 июня 1798 года и переносилъ чудотворную икону изъ теплаго собора въ холодный; событіе увѣковѣчено на большой картинѣ художника Василія Истомина; подлинникъ находится сейчасъ въ Музеѣ Александра III, а точная копія въ монастырской ризницѣ. На картинѣ много портретовъ; кромѣ государя и наследника, несущихъ икону, изображены придворные, среди нихъ Зубовъ, архимандритъ, извѣстный зачинатель единовѣрія, — Герасимъ Князевъ, предводитель дворянства — отецъ Андрея Петровича, самъ художникъ, всѣ крупные мѣстные чиновники и старшая братія монастыря.

4) Унговскій Николай Ивановичъ, штабротм., состоялъ Тихвинскимъ предводителемъ дворянства съ 1848 по 1850 годъ включительно.

5) Въ Введенскомъ монастырѣ, въ притворѣ главнаго храма, стоитъ надгробіе надъ могилою четвертой супруги Ивана Грознаго — Анны Алексѣевны Колтовской, въ иночествѣ — Даріи. Повѣнчана съ государемъ въ 1572 году; бракъ утвержденъ духовнымъ соборомъ въ томъ же году 29 апрѣля. Въ 1574 году пострижена въ Воскресенскомъ Горницкомъ монастырѣ, въ концѣ 80 годовъ игуменствовала здѣсь, затѣмъ была переведена въ Тихвинъ, тоже игуменствовала; во время осады 1613 г. жила въ болотахъ у Тихвина, около озера, именуемаго съ тѣхъ поръ Царицынымъ. Передъ столбовскимъ миромъ поселилась въ Устюжнѣ — Желѣзопольской, откуда возвратилась въ Тихвинъ около 1626 года; въ этомъ году, 5 апрѣля, скончалась.

6) Игуменія Августа Свѣшняка правила монастыремъ съ 1823 г. по день кончины 21 февраля 1858.

Изъ монастыря проѣхали въ домъ Ст. Нв. Богданова, у крыльца встрѣчены были головой Фалевымъ съ прочими служащими изъ купечества и женами ихъ въ національномъ костюмѣ¹⁾. Къ обѣденному столу приглашенъ былъ Предводитель. Въ 9^{1/4} они отправились въ дальнѣйшій путь по Екатерининской улицѣ, отъ фундамента до крышъ блиставшей огнями,²⁾ сопровождаемые толпами съ восклицаніями ура и „прощайте, наши батюшки кормильцы.“

День былъ прекрасный; всѣ улицы и монастыри наполнены были зрителями отъ часу по полудни. Градскій глава собственныхъ денегъ издержалъ 400 руб. сер. на угощеніе, между прочимъ онъ выписалъ живого осетра въ 2 пуда. Вел. Князья подарили осетра двумъ монастырямъ. Ананасы, персики и прочіе фрукты Фалевъ самъ привезъ изъ Петербурга. Хозяину дома пожертвованъ перстень бриліантовый. Изъ чиновниковъ представлялся только Каллискій³⁾ и поднесъ планъ Тихв. системы; ему такъ же пожалованъ перстень.

Архимандриту отъ лѣченія Зигелемъ⁴⁾ стало легче; однакоже онъ въ Успеневъ день не служилъ.⁵⁾ Послѣ обѣдни многіе изъ здѣшнихъ его посѣтили, но угощаемы были только чаемъ и мадерою.

Зигелю я сообщилъ вами написанное.

О себѣ вы написали, а не упомянули—оправилась ли Наталья Григорьевна. которой Соф. Вас., какъ довольная знакомствомъ съ нею, вмѣстѣ со мною усердно кланяется: а вамъ повторю обычное изъясненіе чувствъ любви, почтенія и преданности.

Покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ. 18 августа 1850 г.

1) Степанъ Ивановичъ Богдановъ и городской голова—Иванъ Ильичъ Фалевъ, мѣстные первостепенные купцы.

2) Главная улица, названная въ честь учредительницы города Екатерины II—Екатерининскою, выходитъ на большой ярославскій трактъ.

3) Каллискій—начальникъ мѣстной водной системы.

4) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Зигель—Тихвинскій докторъ.

5) Успеневъ день—большой монастырскій праздникъ съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ обязательно участвуетъ архимандритъ.

23.

Милостивый Государь,

Яковъ Ивановичъ.

Не въ обычаѣ моемъ обижаться, если добрый знакомый, доставляющій мнѣ наслажденіе своею корреспонденціею, лишаетъ меня на продолжительное время безъ этой пищи для моего духа. Не приписываю молчанія ни забвенію, ни пренебреженію скудными моими отзывами, а просто заключаю, что недосужно по болѣзни ли то, или по другимъ занятіямъ. На счетъ первой причины не оставляю однако же освѣдомляться, какъ поступалъ и въ отношеніи къ вамъ, адресуясь для того къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Вторая же причина дѣйствительно существовала, какъ значитъ въ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 4, мною полученномъ 10 апрѣля. Въ немъ вы сообщили нѣсколько извѣстій такого рода, который тѣшитъ мое провинціальное любопытство. На привѣтствіе ваше съ наступившимъ праздникомъ скажу, что когда лобызалъ вашихъ здѣшнихъ родныхъ, изрекая то *Христосъ воскресъ*. то *воистину воскресъ*,—я въ лицѣ ихъ привѣтствовалъ памятію и васъ, и семейство ваше.—

Для біографіи архимандрита вы желаете отъ меня имѣть нѣчто о послѣднихъ дняхъ его жизни.¹⁾ Могу рассказать только то, что достовѣрно. Состояніе его здоровья съ того времени, какъ вы его здѣсь видѣли, было почти въ одинаковомъ видѣ, т. е. утомлялся въ богослуженіи, изрѣдка совершаемомъ, чувствовалъ слабость въ ногахъ, лишался аппетита и кашлялъ по временамъ. Въ послѣдній разъ онъ служилъ въ день Срѣтенія и послѣ того однажды отслужилъ какой-то царскій молебень. Пересталъ ходить въ церковь съ начала марта. Въ пріѣздъ сюда архіерея для встрѣчи его въ комнатахъ едва дотащился до нихъ, по слабости не могъ дождаться и отведенъ былъ домой. На слѣдующій день 10 марта архіерей былъ у него въ келии.—11-го въ воскресенье архіерей служилъ²⁾.—Иларіонъ велѣлъ, чтобы его свели въ церковь,

¹⁾ Архим. Иларіонъ, въ мѣрѣ Иванъ Андреевичъ Кирилловъ, род. близъ Каргополи 13 ноября 1776 г., ск. 21 марта 1851 г.; духовный писатель; управлялъ Тихвин. монастыремъ съ 1823 г.; въ свое время пользовался большимъ уваженіемъ Аракчеева, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ.

Иларіонъ погребенъ въ придѣлѣ Іліи пророка при Успенскомъ соборѣ; надгробіе надъ его могилой изъ чернаго полированного камня недавно почему то уничтожено по приказанію арх. Антонія (И. М.)

²⁾ Старорусскій викарій Антоній Шокотовъ (съ 19 дек. 1850 г. по 17 авг. 1853 г.).

посидѣлъ короткое время у креста и возвратился домой. По окончаніи службы я его посѣтилъ и не замѣтилъ никакой особой худобы въ лицѣ, медленности въ движеніяхъ, а только онъ былъ скупченъ и не разговорчивъ. Какъ онъ провелъ недѣлю—не знаю, но токмо въ воскресенье онъ меня не принялъ. Въ понедѣльникъ въ вечеру ему сдѣлалось такъ тяжело, что братіи испугались и, не сказавъ ему, послали за докторомъ Зигелемъ.¹⁾ Сей нашелъ его въ опасномъ положеніи и прописалъ ему лекарство, отвѣтилъ на вопросъ братій—не особоровать ли?—утвердительно.

Архимандрита согласили принимать лѣкарство и принималъ во всю ночь, какъ подверженный съ нѣкотораго времени бессонницѣ. Между тѣмъ онъ исповѣдался и приобщился, но на особорованіе не согласился, такъ отдаленна была мысль его о возможности близкой смерти.

Во вторникъ по утру ему стало такъ легко, что пріѣхавшаго къ нему доктора онъ заставилъ подождать, дабы принять его не въ спальнѣ, а въ кабинетѣ одѣтымъ по всей формѣ. Докторъ однако-жъ совѣтывалъ ему не совершать такихъ подвиговъ, производящихъ усиленное біеніе пульса, а лежать въ постелѣ. Ввечеру во вторникъ ему опять сдѣлалось хуже, но въ среду утромъ опять чувствовалъ себя лучше до того, что изъявилъ желаніе покушать послѣ многодневнаго отсутствія аппетита. Въ началѣ перваго я вошелъ къ нему въ комнаты и изъявилъ желаніе его видѣть. Но въ это самое время ему накрывали на столъ и подавали кушанье. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что на тотъ разъ принять не можетъ, а просить меня прійти въ 3 часа. Я, по привычкѣ отдыхать послѣ обѣда, опоздалъ и пришелъ въ исходѣ 4-го, и когда вошелъ въ гостинную, то увидѣлъ, какъ его мертваго принесли на простынѣ изъ спальни, положили сперва на полъ, а потомъ на столъ. Тутъ мнѣ рассказали, что въ исходѣ 3 часа, послѣ отдохновенія и сна послѣобѣденнаго, онъ велѣлъ позвать казначея и Михаила; когда онъ увидѣлъ ихъ, то всталъ съ постели, вышелъ въ кабинетъ, открылъ шкафъ, подалъ имъ какія то бумаги и вдругъ опустился безчувственно на полъ; его снесли на кровать и черезъ несколько минутъ его не стало. Тогда было три часа 10 минутъ. Въ 8 часовъ отправился нарочнымъ въ Новгородъ послушникъ Иванъ Ефимовъ. Откамандированный для погребенія Юрьевскій архимандритъ Мануилъ прибылъ въ субботу къ 3 часамъ.

¹⁾ Федоръ Федоровичъ Зигель, — мѣстный врачъ, памятный Тихвину, сконч. въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, — отецъ професс. исторіи славянскихъ законодательствъ Юрьевск. Унив., тоже Федора Федоровича.—

Послѣ вечерни въ 7 часу вынесли тѣло въ церковь Ильи пророка, въ которой на другой день 25 марта предали землѣ противъ лѣваго клироса. По письму ко мнѣ Ивана Фед. Аурѣлева,¹⁾ сюда переводится архимандритъ Иверскаго первокласснаго монастыря Петръ, родственникъ митрополита Никанора, хвалимый за умъ и хорошій образъ жизни. Вѣроятно, за нимъ останется привилегія освѣщать пятью свѣчами, какъ и бывали тому примѣры.²⁾

Моимъ донесеніемъ мнѣ приобрѣсти право на прочтеніе вами сказаній о свѣтскомъ. Я никогда не читалъ сочиненій Лермонтова, а замѣтилъ журнальную похвалу его *Герою*.—Мнѣ и подарили здѣсь тотъ томъ, гдѣ герой дѣйствуетъ. Признаюсь, что я не дочиталъ не потому, что не нашелъ особаго удовольствія, а по требованію передать томъ нѣкоторымъ дѣвицамъ. Воннѣ изъ письма моего, узнавъ, что у меня Лермонтова произведеніе, написалъ мнѣ 3 апрѣля слѣдующее.

—„Очень радъ, что вы знакомитесь съ Лермонтовымъ. Это былъ талантъ недюжинный и могъ бы нѣсколько утѣшить нашу литературу отъ потери Пушкина, если бы не скончался такъ рано. А то, молодой еще, не созрѣвшій въ опытѣ жизни, онъ увлекался чужими мечтами и имѣлъ ложный взглядъ на вещи, который по таланту своему облекалъ въ такіе ловкіе софизмы, въ такіа заманчивыя формы, что молодые умы увлекались и впадали въ одно изъ опаснѣйшихъ заблужденій міра—въ заблужденіе *разочарованія*. Самъ Лермонтовъ увлекся въ этомъ духѣ черезъ поклоненіе желчному генію Байрона, которому онъ сочувствовалъ по своему безпокойному характеру, неспособному нигдѣ ужиться. Романъ его—*Герой нашего времени*—безспорно есть одно изъ лучшихъ его произведеній,—видно, что тутъ говорило сердце автора и что характеръ, напримѣръ, Печорина принялъ формы отъ его собственнаго.—Многимъ Лермонтовъ нравится даже больше Пушкина и, дѣйствительно, онъ превосходитъ его, напримѣръ, въ картинахъ природы, а часто даже и въ музыкальности языка, но для меня Пушкинъ всегда останется выше Лермонтова, какъ геній самобытный, народный, какъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, умѣвшій самыя простыя вещи передать такъ, что отъ нихъ сердце шевелится гораздо болѣе, чѣмъ отъ мрачной велерѣчивой поэзіи Лермонтова“.—

¹⁾ Иванъ Федоровичъ Аурѣлевъ, сенаторъ (1790—1874), сынъ генерала отъ арт. тилл. Оедора Ивановича, содѣйствовавшаго возвышенію Аракчеева при Павлѣ.

²⁾ Отрывокъ о кончинѣ Иларіона былъ напечатанъ въ нашей „Тихвинской Старинѣ“. Новг. 1910. стр. 51—52.

До переселенія вашего на дачу въ Павловскъ скажите нѣсколько въ критическомъ разборѣ словъ о тирадѣ Воина, что бы мнѣ удосто-вѣриться, такъ ли и вы судите, или онъ ошибается.

Догматическое православное богословіе Макарія мнѣ частію извѣ-стно изъ книжекъ „Христіанскаго чтенія.“— Оно такъ мнѣ нравится, что я желалъ бы оба тома имѣть въ моей особой библіотекѣ. Много бы одол-жили, если приняли бы на себя трудъ выслать на мое имя оба тома, поручивъ это самому книгопродавцу. Оба тома стоятъ 3 руб. сереб. кромѣ платы за пересылку. Что нужно возьмите у братца вашего Григорья Ивановича, у котораго отъ послѣдней имъ для меня покупки осталось моихъ денегъ 4 р. 5 к. сереб. Если Вы расположитесь мою просьбу исполнить, то кстати поручите книгопродавцу выслать вмѣстѣ съ книгами лучшую, какая есть пропись, т. е. руководство для обуче-нія нашего Ники каллиграфіи, подъ собственнымъ надзоромъ нашимъ.¹⁾

Жена моя очень продолжительно хворала ревматизмомъ въ обѣихъ рукахъ отъ плечъ до локтя и теперь еще не совсѣмъ выжить этого безпокойный гость. Я, благодаря Господа, здоровъ, Ника также, сынъ Воинъ живетъ въ Кронштадтѣ и приготовляетъ къ плаванію тендеръ *Лебедь*, котораго командиромъ онъ назначенъ еще 6 декабря. Его статьи изъ Лиссабона и Севильи будутъ, кажется, напечатаны въ академическихъ вѣдомостяхъ. Если случится прочесть, то скажите ваше мнѣніе. Зигелю сообщилъ вашу приписку, которая и принята имъ съ достоюющею признательностію. Не лѣнился, кажется, писать. а это потому, что люблю вашъ умъ и влекусь къ вамъ почтеніемъ и христіанскою любовію.

Преданный вамъ

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ 13 апр. 1851 г.

24.

Милостивый Государь,

Яковъ Ивановичъ.

Пользуюсь отъѣздомъ вашихъ родныхъ для сообщенія вамъ на досуѣ выписки изъ письма Воина, давшаго слѣдующій отзывъ на ваши замѣчанія о его литературныхъ сужденіяхъ.

¹⁾ Николаю Андреевичу было въ это время 7 лѣтъ, но читать онъ уже умѣлъ; учился онъ у своей матери Софьи Васильевны (см. его „Лѣтопись“).

— „Трудно, мнѣ кажется, спорить о томъ, былъ ли у насъ лучшимъ поэтомъ Пушкинъ, или другой кто. ибо тутъ выходитъ почти дѣло вкуса и по крайней мѣрѣ дѣло такое, о которомъ можно разсуждать за и противъ до безконечности. Ежели считать лучшимъ того, кто болѣе постоянно держалъ себя въ высокой степени сравнительно съ другими, то Пушкинъ въ такомъ смыслѣ будетъ лучшей изъ поэтовъ, исключая развѣ неподражаемаго Крылова. Если же считать лучшимъ того, кто обыкновенно держится въ общей колѣѣ, но иногда порывомъ вдохновенія взлетаетъ до такой высоты, на которую другіе его соперники не поднимались, то, конечно, найдется въ нашей литературѣ и не одинъ поэтъ лучше Пушкина. Пушкинъ нигдѣ не достигалъ той возвышенности идей, той пылкости и смѣлости воображенія, какъ напр. Державинъ въ своей одѣ *Богъ*, или другой— „На смерть князя Мещерскаго“, но въ общей массѣ своихъ твореній Пушкинъ превосходитъ Державина теплотою чувства, тонкимъ знаніемъ чловѣческаго сердца и, наконецъ, гармоніею стиха.—Для примѣра сравню еще Пушкина съ Грибоѣдовымъ. Ни Пушкинъ, ни даже едва ли кто нибудь создалъ что подобное гениальной комедіи Грибоѣдова, но за то Грибоѣдовъ кромѣ „Горе отъ ума“ ничего и не произвелъ, кромѣ двухъ-трехъ посредственныхъ и даже плохихъ твореній; въ „Горе отъ ума“ какъ будто истощился весь его гений. По моему, Лермонтовъ всего выше въ нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореніяхъ, но мелкія стихотворенія, кажется, нельзя ставить въ счетъ, ибо это минутныя вспышки, искры таланта, которыя способны проявляться и въ обыкновенныхъ людяхъ.—Мнѣ кажется, что чѣмъ выше талантъ, тѣмъ большею единицею нужно его мѣрить,—и если сравнивать между собою произведенія Лермонтова на этомъ основаніи, то мнѣ кажется, что ни въ одной изъ стихотворныхъ поэмъ Лермонтова не найти той наблюдательности, того знанія чловѣка и той выдержки характеровъ, какъ въ романѣ „Герой нашего времени“.

Что же касается до мнѣнія Якова Ивановича, будто у насъ для романа нѣтъ пищи, по недостатку романическаго элемента, то я думаю, это можно отнести только къ историческому роману, и то такому только, который уходитъ во времена до-петровскія, когда у насъ женщины еще не играли роли въ обществѣ.

Наконецъ мнѣ кажется, что Яковъ Ивановичъ, приводя въ примѣръ людей, въ которыхъ высокія душевныя способности гармонируютъ съ житейскою мудростію, увлекается патріотизмомъ, ставя на одну степень съ Гете и Гумбольдтомъ нашихъ Карамзина и Жуковскаго. Гете и Гумбольдтъ гении самобытные, огромные, блистающіе свѣтомъ собственной своей изобрѣтательности или силы вымысла. тогда какъ

Карамзинъ и Жуковскій обладали только талантомъ усваивать чужую геніальность. Оба они оказали огромную услугу родному языку, очистивъ его отъ иноземной ржавчины и ознакомивъ насъ съ его собственною мелодіею; но замѣтите, что они не могли измѣнить направленіе вкуса своей эпохи, изобрѣсти новый родъ литературы, какъ то сдѣлали Гете въ Германіи, Корнель во Франціи, или Пушкинъ и Гоголь у насъ. Карамзинъ и Жуковскій были въ нашей литературѣ виртуозы—превосходные учителя пѣнія, но Пушкинъ и Гоголь—виртуозы композиторы“.—

Ежели вамъ, любезнѣйшій Яковъ Ивановичъ, будетъ досужно, то съ вашими родными, когда они будутъ возвращаться въ Тихвинъ, отправьте литературную полемику для сообщенія вновь Воину, которому полезно знать ваше сужденіе, какъ опытнаго критика, между тѣмъ какъ я признаю себя невѣжею, неспособнымъ ни похвалить, ни опорочить.

По написаніи сего явилась Контушова и сегодня доставила мнѣ отъ васъ пакетъ, въ которомъ оказалось письмо ваше отъ 29 мая, три части исторіи Пшимовой и прописи. Премного благодаримъ за удовлетвореніе нашей просьбы.

Вы располагаетесь читать 2-й томъ Догматическаго Богословія, а я читаю изъ перваго тома, введеніе же далъ для чтенія ученому іеромонаху Іосифу.

Архимандритъ Петръ¹⁾ прибылъ сюда въ 6 часу утра. Того же вечера служилъ заказную имъ самимъ всенощную и совершалъ миропомазаніе, на слѣдующій день въ субботу служилъ литургію, ввечеру опять служилъ всенощную, а въ воскресеніе, въ день всѣхъ Святыхъ, шелъ съ крестами въ Полковую церковь²⁾ и служилъ обѣдню и молебень. Изъ свѣтскихъ многіе къ нему являлись и онъ отплатилъ лично визитъ. Я же жду воскресенія, чтобы съ нимъ познакомиться.

Объ отъѣздѣ гр. Уварова читалъ въ газетахъ.

О празднованіи 25-лѣтія въ честь Фуса также въ газетахъ читалъ; но вашъ о томъ рассказъ подробнѣе и слѣдственно занимательнѣе³⁾.

У насъ погода точь въ точь, какъ у васъ.

1) Архимандритъ Петръ, родственникъ митрополита Никанора Клементьевскаго, переведенъ въ Тихвинъ изъ Иверскаго монастыря. Сконч. въ 1855 г.

2) Церковь, именуемая Полковою, принадлежитъ монастырю, находится за рѣкою, рядомъ съ домомъ Римскихъ-Корсаковыхъ (нынѣ А. Н. Витмера).

3) Фусъ Павелъ Николаевичъ, ординар. академикъ, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ.

Объ ученой и текущей литературѣ вы располагаетесь поговорить въ будущихъ письмахъ. Можетъ быть, включите статью въ отзывѣ вашъ на то, что выше выписалъ изъ Воинова письма.

Оба желаемъ вамъ со всѣми вашими извлечь пользу для здоровья и спокойствія изъ пребыванія на дачѣ въ Павловскомъ. А жаль, что на сей годъ лишили насъ удовольствія съ вами здѣсь видѣться, наипаче сожалью я, такъ всегда довольный, когда послушаю васъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ, искреннимъ желаніемъ всего вамъ лучшаго остаюсь всегда любящій и преданный вамъ, Милост. Гос., покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ. 4 іюня 1851 понедѣльникъ.

25.

Тихвинъ. 25 іюня 1851.

Давно знаю изъ газетъ, что вы, почтенный и любезный Яковъ Ивановичъ, украшены орд. Св. Анны 2 степени, и даже первый сообщилъ о томъ вашей Елизаветѣ Ивановнѣ, но для привѣтствованія васъ ожидалъ отбытія въ Петербургъ Ивана Ивановича, чрезъ котораго сіе и исполняю. Онъ, какъ живая грамота, расскажетъ вамъ все, что относится до дѣйствій нынѣшняго нашего архимандрита, съ которымъ я, къ удовольствію моему, познакомился. Мнѣ же слѣдуетъ сообщить вамъ въ дополненіе къ переданному мною вамъ въ письмѣ отъ 4 іюня отзыву Воина опытъ его стихотворнаго произведенія, которое назначено для альбома одной изъ дамъ семейства, съ которымъ онъ въ нынѣшномъ году въ Кронштадтѣ познакомился. Вотъ оно:

Есть встрѣчи:—не страстей волненье,
 Не радостный восторгъ, не тяжкое мученье
 Ихъ обозначили,—казалось бы должны
 Исчезнуть ихъ слѣды изъ памяти сердечной,
 Какъ исчезаетъ слѣдъ волны
 Въ пустынѣ моря безконечной.
 Недолги, просты, незатѣйливы онѣ,
 Но сердце бережетъ ихъ впечатлѣнье,
 Ихъ помнишь, какъ отрадное видѣнье,
 Какъ музыки мотивъ, услышанный во снѣ.
 Такъ буду помнить встрѣчу съ вами
 И съ вашей семьей. Сердитыми волнами

Отъ васъ надолго я могу быть отдѣленъ,
 Но вѣрьте, что мое воображенье
 Не разъ перенесетъ меня изъ отдаленья
 Въ гостепріимный кругъ, гдѣ мной найденъ
 Такой внимательный, исполненный привѣта,
 Такой радушный, ласковый пріемъ,
 И будетъ каждое воспоминаніе о томъ
 Сердечной благодарностью согрѣто¹⁾.

Эти стишки присланы были ко мнѣ 13 мая.—Я его спрашивалъ о согласіи подвергнуть ихъ критикѣ болѣе меня разумѣющаго. Онъ отвѣчалъ: „Стихотворство мое не считаю проявленіемъ таланта, потому что талантъ давно бы обнаружился влеченіемъ изображать свое впечатлѣніе рифмованнымъ языкомъ, а такъ какъ этого влеченія я въ себѣ не чувствовалъ и даже не чувствую и теперь, то и думаю, что мое стихотворство есть дѣло *способности*, не великой, конечно, но всетаки не отрицательной; т. е. это значить, что при случаѣ, за механизмомъ стихотворства и даже за вдохновеніемъ дѣло не станеть, но двинутся они усиленіемъ воли, а не сами собой проявятся. Я не прочь отъ того, что-бы вы сообщили мое стиходѣлье разумѣющему, котораго мнѣніе мнѣ хотѣлось бы знать,—но только мнѣніе искреннее, а не такое, что льститъ или выражается срединками *очень мило, очень недурно, замѣтно, что есть талантъ* и тому подобными фразами. Средины я ужасно не люблю: что дурно, то уже никакъ не можетъ быть хорошо или сносно, и обратно, что хорошо, то не можетъ не нравиться. Поэтому, если укажетъ прямо, безъ обиняковъ то, что есть дурного въ моей стихотворной піесѣ, то буду очень обязанъ“.

И такъ прошу васъ, любезный Яковъ Ивановичъ, когда на досугѣ написать критику разумѣется не а la Scukowsky.

Также полюбопытствуйте прочесть фельетонъ № 128 С.-Петербур. Вѣдомостей *Лиссабонскіе театры*. Подписавшій Р. К. Русскій морякъ не иной, какъ нашъ Воинъ. Онъ, кажется, готовитъ еще нѣсколько статей. Спрашиваю: можно ли его ободрить для продолженія этого рода занятій.

Онъ находится теперь на Ревельскомъ рейдѣ въ распоряженіи главн. командира Литке. Доселѣ еще не былъ никуда командированъ,

¹⁾ Стихотворное упражненіе Вонна Андреевича, не смотря на несовершенство формы и незначительность содержанія, несравненно изящнѣе стиховъ Бередникова, печатавшихся въ промежутокъ 1812—1819 годовъ; позднѣйшіе черновики указываютъ, что сочиненіе стиховъ Я. И. давалось очень туго.

а только выпрашивался поплавать на своемъ тендерѣ въ Монзундъ. Да прежде того встрѣчалъ эскадру генералъ-адмирала и удачно лавировалъ.

А я здѣсь все еще не купаюсь. Хотя и ясно, но вѣтеръ болѣе холодный, если не сильный.

Желаю вамъ съ вашими пробить и оставить Павловскъ съ пріятными воспоминаніями.

Вѣрьте неизмѣнной дружбѣ, почтенію и любви

преданнаго вамъ

Анд. Рим.-Корсакова.

26.

Милостивый Государь,

Яковъ Ивановичъ.

Изъ письма вашего, писаннаго 29 іюня въ Петербургѣ, а мною полученнаго 2 іюля, позаимствованъ мною будетъ отзывъ вашъ на сужденіе Воина о литературѣ и ему сообщенъ. Кстати о семъ предметѣ; не помню, упомянулъ ли я вамъ въ письмѣ моемъ отъ 25 іюня, врученномъ вашему братцу, что мнѣ много поправилось сужденіе Сенковского въ іюльской книжкѣ объ условіяхъ эстетической критики. Отъ искренняго сердца желаю, чтобы осуществилось ожиданіе ваше пріятностей лѣтняго житія въ Павловскѣ.—

—Вы заявляете себя страстнымъ любителемъ музыки, хотя въ Павловскѣ довольствоваться будете польками и вальсами, но уже безъ сомнѣнія не подвергнетесь вліянію, подобному тому, которое погубило одну 28-лѣтнюю женщину. Она никогда не выѣзжала изъ деревни и покусилась пріѣхать на балъ въ какой-то городокъ. На немъ она не пропустила ни одного контраданса и со всѣмъ жаромъ новаго ощущенія наслаждалась неизвѣстными ей до того звуками музыки. Эти звуки оставили въ ней такое сильное и неизгладимое впечатлѣніе, что, по возвращеніи домой, она стала слышать ихъ безпрестанно днемъ и ночью, наяву и во снѣ. Наконецъ, положеніе ея дѣлалось нестерпимымъ. Посреди занятій, какого бы то рода ни было, бальная музыка раздавалась въ ушахъ ея, особенно когда ложилась спать: тогда въ головѣ у ней начиналась совершенная репетиція всѣхъ контрадансовъ и, что всего страннѣе, точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они играны на балѣ. Безсонница, ипохондрія и другіе припадки начали мало-по-

малу истощать всё жизненные силы ея, всё медицинскія пособія остались тщетными, по мѣрѣ ослабленія силъ музыка все громче и явственнѣе звучала въ ухахъ. Послѣ 6 мѣсяцевъ ужасныхъ страданій несчастная умерла въ сильной чахоткѣ.

Но есть еще одно чудное обстоятельство этой странной болѣзни. На балѣ музыкантъ, державшій первую скрипку, шутя взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ. Онѣ такъ-же остались въ памяти больной и въ послѣдніе дни жизни ея, какъ будто нарочно, становились рѣзче и мучительнѣе. Борясь со смертью, несчастная безпрестанно хваталась за голову и, сжимая ее, повторяла съ страшными воплями: „О, какъ фальшиво! Боже! голова моя треснетъ, я не вынесу этой ужасной пытки“.

Совершенно противоположное вліяніе произвела на другого иного рода музыка, именно Перголезіево *Salve regina*¹⁾. Онѣ—извлекають слѣдующія размышленія: „не одинъ тѣлесный токмо міръ и объемлемое пространствомъ движется по правиламъ небесной *армоніи*, но и царство духовъ составляетъ также совершенную *музыку*, которой свойственный *тонъ* и *единогласіе* есть Самъ Богъ. Всѣ души суть части этой вѣчной *симфоніи*, всѣ онѣ движутся по предписанной имъ и согласной съ цѣлю *мелодіи*. Каждая часть есть цѣлое, а при томъ и часть величайшаго цѣлаго, а всѣ безчисленные части вкупѣ составляютъ великій хоръ творенія, которое поклоняется божеству въ вѣчныхъ хваленія пѣсняхъ. Ежели бы наша ограниченная чувственность позволила намъ зрѣть въ царство духовъ, то удивились бы мы, видя, съ какою опредѣленностью слѣдуютъ они законамъ *армоніи*, увидали бы мы, что наша земная музыка есть токмо образъ, скорлупа, эмблема вѣчной духовной музыки. Человѣкъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко *всему*, къ *Богу*, къ *обществу*, къ *самому себѣ* или ко *внутренней своей натурѣ* дѣйствуетъ по законамъ музыки. Подобно, какъ тоны суть модификаціи единаго и перваго коренного тона, хотя и не суть сей тонъ самый, но токмо произошли и выводятся изъ него, такъ точно суть души относительно къ Богу, первому, единственному, чистому коренному тону. Каждое племя, каждое поколѣніе, каждое существо (въ особенности) духовнаго міра есть тонъ сея единыя струны, болѣе или менѣе подобный своему коренному тону. Всякій тонъ чѣмъ далѣе

¹⁾ Здѣсь Андрей Петровичъ приводитъ выписки изъ статьи „Взоръ музыканта въ музыку Духовъ“, которая была напечатана въ „Магазинѣ Свободно Каменщическомъ“ 1784 г.,—журналѣ, ставшемъ давно уже большою рѣдкостью. Печаталось это изданіе въ 600 экз., въ продажу не поступало, а раздавалось по рукамъ. Выдержки изъ него часто прочитывались въ собраніяхъ масонскихъ ложъ первой четверти прошлаго столѣтія. См. ст. Т. Соколовской „Въ масонскихъ ложахъ“ въ Вѣст. Общ. ревнит. Истор. вын. I. 1914 г., подстрочн. примѣч. на стр. 198.—

отъ коренного тона, тѣмъ острѣе; чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ мягче, тѣмъ болѣе спокойствія въ струнѣ, въ физическомъ потрясеніи слуха, въ чувствованіяхъ души. Но истинный покой токмо въ коренномъ тонѣ и въ его гармонирующемъ тригласіи.

Для произведенія совершеннаго согласія и чистой музыки въ союзѣ общества долженъ каждый членъ произносить чисто опредѣленный ему *тонъ* и слѣдовать собственной его *мелодіи*. Однако же онъ не долженъ владычествовать одинъ, не долженъ заглушать другіе голоса. Онъ, яко часть, долженъ елико можно и преливаться въ другіе тоны, любовію и съ любовію. Различныя системы и племена суть между собою какъ инструменты, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особенный родъ тоновъ, свои собственные струны. Строй, для одного инструмента сносный, лишитъ многихъ струнъ другой инструментъ, а можетъ быть и сокрушить его. Тонъ, который въ одномъ инструментѣ тихъ, подобенъ дрожанію зефира, былъ бы остръ и противенъ въ другомъ инструментѣ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ *состроеніе* многихъ различныхъ инструментовъ. Сколь глубоко должно для сего проникнуть въ природу ихъ! Кто имѣетъ къ каждому инструменту ключъ? У кого такой чистый слухъ, чтобы измѣрить всѣ надлежащія уравнительности и сотрясенія? Гдѣ правильный душевный камертонъ? Многіе разстроены такъ, что и самая искуснѣйшая рука ничего не поможетъ. Часто бываетъ, что единый токмо фальшивый тонъ приводитъ въ нестройность весь инструментъ! Каждому надлежало бы знать всѣхъ лучше собственный инструментъ; но коль многіе не пекутся о семъ. Большая часть желаетъ согласоваться съ чуждыми тонами и оттого теряетъ свой собственный. Не дерзай настраивать чужіе инструменты, доколѣ не привелъ въ чистоту твой собственный; иначе ты сообщишь имъ твои разногласія. Не принуждай никого къ твоему строю, ибо у каждаго свой собственный.

Музыка премѣняется въ два тона; одинъ изъ нихъ—чадо радости, другой—образъ несчастія. Точно то же и въ вѣчно премѣняемомъ концертѣ жизни. Это смѣшеніе возвѣщаетъ премудрость Творца. Пульсъ временности ударяетъ то дурными, то мольными тонами, то скорымъ, то умѣреннымъ, то тихимъ движеніемъ; безпрестанно новыми, безпрестанно измѣняющимися переливами. Одному дано болѣе перваго рода тоновъ, другому послѣдняго. Судьба распределяетъ голоса сего концерта. Досталось ли на твою часть много печальныхъ тоновъ? Старайся приобучать къ нимъ твое ухо—весьма многое зависитъ отъ твоей чистой воли и сколь многіе мольные тоны могутъ тогда претвориться въ радостныя возвышенія!

Душа, по своему естеству, ненавидящему всякое *пространство* и *времени ограничиваніе*, имѣеть желаніе зрѣть многія соотношенія въ возможно кратчайшее время. Плѣняющее душу въ музыкѣ есть сіе самое созерцаніе, сравненіе соотношеній, восторгающее душу въ восхитительномъ Перголезии, въ Глюкѣ, въ Генделѣ, — есть простота, великое и возвышенное, одушевляющее сихъ сочинителей, и приносящее душу въ горнія страны“.

Прибавлю еще отъ другого любителя музыки, котораго я лично зналъ. Въ его рукописи сказано:

— „Музыка, по земному раздѣленію, составлена на четырехъ основаніяхъ, то-есть по четыремъ стихіямъ, а именно—basso или нижнее, т. е. земное, *tenore* или мягкое, т.-е. водяное, *alto* или высокое, т.-е. воздушное, *organo* или превысокое, т.-е. огненное. Она состоитъ также изъ семи почастныхъ тоновъ, коихъ яко коренныхъ, ни убавить, ни прибавить нѣтъ возможности. Тоны или голоса происходятъ отъ потрясенія, производимаго способною къ тому стихіею. или чрезъ воздухъ. А какъ въ воздухѣ находятся земля, вода и огонь, то по соотношенію подобнаго съ подобнымъ, приводятся въ такое же сотрясеніе свойства и прочихъ четырехъ стихій“.¹⁾

Вы спрашиваете меня о личности архимандрита. Прекрасная, сѣдая волосами и бородою и физиономіею, голова на тѣлѣ вродѣ казначейскаго. Пріятель, ласковъ и улыбающійся въ обращеніи.²⁾ Разговоръ ведетъ объ администраціи, но о богословскихъ предметахъ не заводитъ рѣчи. Вообще въ немъ болѣе свѣткости, нежели въ покойномъ Иларіонѣ и едва ли онъ подобенъ ему въ любви къ чтенію и къ богословскимъ размышленіямъ. Что касается до іеромонаха Іосифа, то сей магистръ академіи любитъ заниматься и, какъ болѣзненный, не править очереди, а изрѣдка служить.—

Не токмо о кончинѣ В. Д. Комовскаго, но о всемъ ходѣ его болѣзни и, наконецъ, о предсмертныхъ суткахъ имѣю отъ брата его подробныя свѣдѣнія. Онъ отошелъ изъ здѣшняго міра со всѣми признаками набожныхъ чувствованій. ибо посреди страданій, неоднократно съ колѣнопреклоненіями молился, держа крестъ и т. п.³⁾

¹⁾ Изъ даннаго письма отрывокъ о музыкѣ былъ напечатанъ въ ст. И. М. „Н. А. Римскій-Корсаковъ въ Тихвинѣ“. („Тихвинецъ“, 1914, № 2, стр. 41—49.)

²⁾ Въ 1850 году былъ изданъ литографированный портретъ архим. Петра по рисунку Бореля. Въ монастырѣ хранится маслянный портретъ его-же, — работы живописца — тихвинца Заболотскаго.

³⁾ Говорится о кончинѣ Василія Дмитріевича К.; а извѣстіе получено отъ его брата поэта Александра Дмитріевича.

В. А. Полънову¹⁾ должно быть гораздо болѣе 75 лѣтъ. Въ 1801 году онъ былъ въ госуд. иностр. коллегіи секретаремъ, а я за его столомъ занимался будучи юнкеромъ. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ, а мнѣ онъ казался не менѣе, какъ подъ 30.—Гомеопатія ему не поможетъ въ возстановленіи силъ, а только освободитъ его отъ алопатическихъ микстуръ.

По пребыванію въ Павловскѣ обѣщаете надѣяться мнѣ описаніями того, что на васъ производитъ впечатлѣніе. Буду аккуратно давать вамъ отзывы, но не ожидайте сочувствія, ибо я не есмь impressionable.

Изъ выходящихъ замужъ племянницъ вашихъ одной не знаю, а въ другой интересуюсь, ибо усматриваю въ ней здравомысліе и ровность характера, что служить ручательствомъ супружескаго согласія. Намъ и женихъ нравится.

Вчера въ соборной перкви Ник. Микифоров. Унковскій²⁾ обвѣнчанъ съ Варварою Ив. Левскою.—Свадебный пиръ кончился въ 7 часу утра.

Желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа, какъ любящій, почитающій и преданный вамъ

покорнѣйшій слуга

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ. 10 іюля 1851 г.

27.

Милостивый Государь,

Яковъ Ивановичъ.

Поздравительное письмо ваше отъ 15 сентября изъ Павловска получено здѣсь въ самый день именинъ Софьи Васильевны, которая усерднѣе жалуется вамъ всего наилучшаго въ благодарность за ваше о ней воспоминаніе. Сообщаю объ этомъ поздно потому, что жду выѣзда вашей племянницы, избѣжаніе платы двойныхъ вѣсовыхъ денегъ, ибо предполагаю болѣе листа наполнить нѣкоторымъ разсужденіемъ на счетъ сказаннаго вами, что „жизнь людей съ ограниченными

¹⁾ Василій Алексѣевичъ П., сынъ Алексѣя Яковлевича, литератора—экономиста, еще въ 1766 г. писавшаго о необходимости освобожденія крестьянъ съ надѣлами, и отецъ археолога и библиографа Дмитрія Васильевича П.—

²⁾ Н. П. Унковскій—тихвинскій помѣщикъ.

доходами *должна* быть устроена въ діаметральной противоположности образомъ жизни богачей и пр.—

Мало ли что *должно*, но человѣкъ увлекается, любопытствуетъ, ищетъ новыхъ ощущеній. Между тѣмъ, хотя бы міръ и даль человѣку иному все то, что въ его власти: осыпаль его почестями, ущедрилъ богатствомъ, пресытилъ чувственными удовольствіями, но все это не можетъ удовлетворить истиннымъ нуждамъ сердца. Едва начинается онъ наслаждаться, и уже прекращается его наслажденіе, пріобрѣтеніе отнимаетъ у его благъ ту заманчивость, съ какою они представлялись его желаніямъ. Что услаждало его въ надеждѣ, то не услаждаетъ уже въ дѣйствительности. Воображеніе всегда влечетъ его къ тѣмъ благамъ, которыхъ у него еще нѣтъ, и заставляетъ искать другихъ, какъ скоро однихъ достигаетъ. Въ ту минуту, когда онъ думаетъ, что наполнилъ благами міра сердце свое, находитъ его столь же пустымъ, какъ и прежде. Откуда эта непрерывная преемственность всегда возобновляющихся и никогда не удовлетворяемыхъ желаній? Что это за жажда неутолимая, которая раздражается отъ того, что ее утоляютъ? Причина сего заключается въ самомъ свойствѣ тѣхъ благъ, которыхъ онъ ищетъ. Они ограничены и потому всегда оставляютъ по себѣ мѣсто желанію. Доколѣ человѣкъ ихъ только ищетъ, они представляются на подобіе предметовъ, примѣчаемыхъ людьми: онъ видитъ одну лицевую ихъ сторону; но достигнувъ ихъ, тотчасъ чувствуетъ все ихъ несовершенство. Они даютъ ему минуты удовольствія, но не могутъ доставить счастья твердаго и настоящаго. Никогда не соотвѣтствуя его надеждамъ, они дѣйствительны только для его желаній. Честолюбецъ, стоя на высотѣ величія, желаетъ взойти еще выше; корыстолюбецъ, исчисляя свои сокровища, старается ихъ пріумножить; сластолюбецъ, утопая въ удовольствіяхъ, жаждетъ новыхъ наслажденій. Не къ однимъ Іудеямъ, но и ко всѣмъ міролюбцамъ, сказано чрезъ пророка Аггея: *спяли много и собрали мало, ѣли и не въ сытость, пили и не утомили жажды, облеклись одеждами и не сорвались, а кто собиралъ сокровища, — влажалъ въ мышки дырявые.* Словомъ, покой души не совмѣстенъ съ жизнію, волнуемою напоромъ желаній, безпокойствъ, опасеній, страховъ и страстей. Достоинно примѣчанія, что изъ всѣхъ благъ земныхъ, которыхъ человѣкъ ищетъ съ такою жадностію, нѣтъ ни одного, которое бы не было смѣшано съ нѣкоторыми скорбями. Труды необходимы для пріобрѣтенія ихъ, усилія—для умноженія, заботы—для сохраненія; иногда борьба—для защиты. Нужно пещись объ ихъ прочности, нельзя не скорбѣть объ ихъ ущербѣ; обладаніе ими неразлучно съ опасеніемъ; наслажденіе тѣсно связано съ безпокойствомъ. Въ тѣхъ именно сословіяхъ, къ коимъ, повидимому наипаче благоволятъ Про-

мысль, встрѣчаются самыя сильныя и жестокия скорби. Господу угодно было сорастворить удовольствія и печали; оттого нерѣдко самыя радости дѣлаются источниками скорбей. Бесѣды приносятъ скуку, прогулки производятъ утомленіе, забавы оканчиваются ссорой, пиры влекутъ за собою болѣзни, роскошь—раззореніе, дружба помрачается эгоизмомъ, удовольствіе раждаетъ вредныя послѣдствія. Благосклонность міра ограничить съ его враждою и успѣхъ угрожаетъ превратиться въ неудачу. Счастія, въ подлинномъ смыслѣ, нѣтъ на землѣ; мы наслаждаемся одними перебѣгающими тѣнями его, которыя скорѣе убѣгаютъ, нежели приходятъ. Св. Писаніе представляетъ намъ разительный примѣръ: все, что самая глубокая мудрость, самое великое богатство, самая могущественная власть могутъ доставить человѣку,—все это Соломонъ имѣлъ и употребилъ на то, чтобы составить себѣ полное счастье на землѣ; и что-жь? составилъ-ли?—вотъ что онъ о себѣ говоритъ: „такъ я, Соломонъ, царь израильскій, былъ премудрѣе всѣхъ человѣкъ и все подъ солнцемъ испыталъ: умащаль свое тѣло, вымышлялъ все для своего сердца, созидалъ себѣ дома, разводилъ сады и виноградники, имѣлъ звѣринцы и водоемы, стяжалъ себѣ слугъ и служанокъ, собралъ серебра и золота, завелъ пѣвцовъ и пѣвицъ, словомъ—былъ богаче всѣхъ, и чего глаза мои ни просили, чего сердце ни жаждало, ни въ чемъ я себѣ не отказывалъ.“—Скажемъ: и былъ безъ сомнѣнія, счастливѣе всѣхъ подъ солнцемъ?—Нѣтъ, отвѣтствуетъ онъ,—но все подъ солнцемъ *суета суетствій и всяческая суета*.

Ваши слова: „извѣдавъ здѣшнія удовольствія и взвѣсивъ всѣ выгоды лѣтняго пребыванія въ Павловскѣ, я, вопреки вашему *мнѣнію*, вовсе не отдаю предпочтенія этимъ развлеченіямъ предъ тѣми, которыми я пользовался въ прежніе годы“,—даютъ поводъ намъ, т. е. мнѣ съ моею женою, ласкать себя надеждою (если всѣ доживемъ до лѣтняго сезона 1852) насыщаться вашею бесѣдою.—Что касается до моего мнѣнія, что вамъ любо имѣть въ Павловскѣ лѣтнее пребываніе, то я основался на собственномъ вашемъ письмѣ 14. авг. и болѣе на отзывахъ Натальи Григорьевны.—

Ежели Марковъ—тотъ самый, который имѣлъ женою театральную воспитательницу Боллину, своими достоинствами украсившую супружество, то съ нимъ я былъ знакомъ; о другомъ же Марковѣ не имѣю никакого воспоминанія,—и думаю, что хвалившій меня долженъ быть не первый, а второй, по наслышкѣ о мнѣ судящій чрезъ мѣру преувеличенно въ томъ, что относится до моихъ будто бы умственныхъ и служебныхъ качествъ. Повѣрьте искренности моего объявленія, что я всегда

изъ опыта понижался въ собственномъ мнѣніи предъ товарищами по службѣ, имѣвшими преимущество учебнаго образованія, никогда не считалъ себя дѣйствительно заслуживающимъ награды, которая выпрашивалъ для меня министръ Козодавлевъ, по дружбѣ съ моимъ отцомъ интересовавшійся во мнѣ и баловавшій меня своею особенною ласкою. Отношенія министра ко мнѣ могли возбуждать во мнѣ нѣкоторую спѣсивость предъ сослуживцами, но собственное сознаніе отсутствія учебной основы отдѣляла мысль чванства предъ сослуживцами, изъ чего и составился во мнѣ обычай обходиться съ ними привѣтливо, учтиво и уступчиво, ни котораго предъ начальникомъ не опорочивать, ни чѣмъ повышеніямъ не завидовать, никому не припятствовать быть въ довѣренности у министра. Поэтому неліцемерному съ сослуживцами столкновенію моего дѣлопроизводства съ ихъ занятіями, ни который не былъ мною оскорбляемъ какимъ либо рѣзкимъ замѣчаніемъ и, ежели не дружились со мною (на что, впрочемъ, я не имѣлъ времени), то по крайней мѣрѣ не имѣю причинъ заключать, что бы кто либо мнѣ зложелательствовалъ. Таковымъ я старался быть и впоследствии, когда имѣлъ подчиненныхъ мнѣ въ Новгородской казенной палатѣ, въ коммерческомъ банкѣ и, наконецъ, на Волынѣ. Но чтобы я могъ похвалиться основательнымъ знаніемъ тѣхъ частей, которыя мнѣ ввѣряемы были, то не обинуясь скажу, что казавшееся другимъ во мнѣ дѣловое, было такъ поверхностно, что даже и понынѣ остается во мнѣ изумленіе на счетъ нѣкоторыхъ служебныхъ моихъ успѣховъ.

Вотъ и вамъ кажется, будто бы во мнѣ отсвѣчивается нѣчто изъ высокой нравственной закалки. Не будучи изъ тѣхъ гигантовъ послѣдователей Христу, которые болѣе довольны *егда попосятъ ихъ и рекутъ всякъ золь маюль на нихъ*, нежели когда превосносятся,—я почувствовалъ удовольствіе, читая ваше о мнѣ заключеніе, но какъ не замѣчающій въ себѣ отсвѣчиванія, о привлеченіи коего едва ли и старался доселѣ, ибо для сего надлежало бы приготовить воспріемлемость,—прошу впредъ меня шадить щекотаніями моего самолюбія, которое я стараюсь охладить изученіемъ собственныхъ моихъ многообразныхъ недостатковъ не только въ характерѣ, но и въ разсудкѣ, который будучи дѣйствіемъ ума, имѣющимъ способность какъ соединять вещи по сходству ихъ между собою, такъ и разлучать тѣ, которыя не гармонируютъ между собою,—столь слабъ во мнѣ, что допустилъ меня учинить несчетное количество погрѣшностей на базарѣ житейской суеты, соединяя меня съ тѣми обстоятельствами, отъ которыхъ долженствовалъ бы убѣгать, и разлучая съ тѣми, которыхъ долженствовалъ бы искать.

Въ три пріема вамъ исповѣдь свою написалъ.—написалъ не для произведенія какого либо эффекта, а такъ, на досугѣ, въ видѣ занятія по части самопознанія.—Когда допрашиваю себя: доволенъ ли я тѣмъ, что нахожусь въ отставкѣ и не имѣю иной заботы, кромѣ завѣдыванія семействомъ и малочисленною прислугою, то утвердительный отвѣтъ чаще издается изъ сердца.—Григорій Двоесловъ о себѣ рассказывалъ: „меня весьма угнетаетъ тягостная почеть, безчисленныя возмущаютъ заботы, и когда духъ мой устремляется къ Богу, онѣ поражаютъ его своими понужденіями, какъ бы нѣкими мечами. Духъ мой коснѣеть въ духовномъ бездѣйствіи и среди мятежа временныхъ заботъ, доведенный почти до оцѣпенѣнія, принужденъ бываетъ то помышлять о земномъ, то заниматься дѣлами, касающимися плоти, а иногда по требованію высокоумія рѣшаться даже на что либо преступное.“—

Ежели такъ отзывался о своемъ положеніи мужъ праведный, чувствуемый во святыхъ, отъ свѣтскихъ прозванный великимъ за мудрость своего правленія въ званіи папы Римскаго и особливо за обращеніе англичанъ отъ язычества къ христіанству, то не надлежитъ ли намъ, не сущимъ ни праведными, ни мудрыми, ни ревнителями благочестія, дорожить положеніемъ, освобождающимъ отъ зависимости угожденія міру, дающимъ возможность ускользать отъ тѣхъ мечей, о которыхъ говоритъ Григорій.—Нѣтъ сомнѣнія, что и маленькій провинціальныи городокъ, обычаями жителей отъ праздности визитоваться, формируетъ своего рода суету, лишаящую иногда силы осуществлять побужденіе заниматься душевспасительными размышленіями и упражненіями,—но все же это суета, какъ болѣе тягостная, нежели привлекательная, не служитъ извиненіемъ мнѣ, нерадивому, лукавить съ самимъ собою и взваливать вину на вѣдшее, когда продолжаю помнить все прежнее, воображать въ оное, и мечтать объ иномъ сочетаніи обстоятельствъ.

Но пора кончить сообщеніемъ о кончинѣ Александры Михайловны Назимовой 18 и Анны Петровны Унковской 20 окт.—Первая похоронена 21-го въ Большомъ монастырѣ, а вторая, какъ умершая въ деревнѣ брата ея, богача Алексѣя Петровича, похоронена будетъ тамъ.

У архимандрита я бываю въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ послѣ обѣдни, а онъ у насъ трижды чай пилъ. Любитъ разговаривать, всегда въ пріятномъ расположеніи духа, но ни о чемъ, кромѣ какъ о монастырскихъ приключеніяхъ, не бесѣдуетъ.

Не озабочивайтесь отзывомъ на мое пространное письмо, ибо писалъ для себя, въ видѣ упражненія, но когда вамъ будетъ досужно, то увѣдомлите о вашихъ археографическихъ подвигахъ¹⁾.

Вѣрьте нелицемѣрному уваженію, любви и влеченію къ вамъ

покорнѣйшаго слуги Андр. Рим.-Корсакова.

Тихвинъ, 22 окт. 1851.

28.

Я сообщилъ ваше, почтенный и любезный Яковъ Ивановичъ, разсужденіе о современной литературѣ Алек. Дмит. Комовскому, какъ любителю отечественнаго языка. Вотъ его отзывъ.

„Совершенно раздѣляю мнѣніе и сожалѣніе вашего корреспондента на счетъ застоя нашей литературы и особенно насчетъ умышленной порчи нашего языка молодыми литературными наѣздниками, которые, недоучась многому, захотѣли сдѣлаться законодателями разговорнаго слога, и потому дѣйствительно заговорили языкомъ толкучаго рынка. Ихъ совратилъ съ истиннаго пути не столько Полевой, который былъ всетаки своего рода труженикъ, сколько *Сенковский*, шарлатанъ учености, который при остротѣ ума писалъ самыя серьезныя статьи колко, шутя, превращая нарочно, чтобы посмѣяться потомъ надъ читающею публикою, бѣлое въ черное, а черное въ бѣлое,—писалъ сплеча обо всемъ и, будучи полякомъ, не только пренебрегалъ нашимъ языкомъ, но можетъ быть намѣренно коверкалъ его, уродовалъ, увлекая за собою толпу молодыхъ подражателей. За Сенковскимъ болѣе и гораздо болѣе всѣхъ содѣйствовалъ порчѣ нашего пишущаго поколѣнія несчастный *Гоголь*, который уже рѣшительно не зналъ законовъ русскаго языка и писалъ „по слуху“, какъ иные талантливые музыканты, не умѣя разбирать ноты, играютъ по слуху на фортепіано, очень удачно, самыя трудныя піесы и даже иногда фантазируютъ и сами недурно. Вотъ мое мнѣніе.“—

Письмо ваше 15 получено 18-го.—Благодаримъ за привѣтствіе. Мы день именинъ провели по обыкновенію. Кромѣ меня (съ 3 числа

¹⁾ О какомъ Марковѣ говорится въ этомъ письмѣ,—не знаемъ. Болина,—воспитанница театральнаго училища,—въ первой четверти прошлаго вѣка въ Петербургской оперѣ исполняла вторыя, а потомъ и первыя роли. Упоминается въ статьѣ П. Перепелицына: „Очеркъ исторіи музыки въ Россіи“ (Новь, 1886, X.). Назимова Александра Михайловна, урожденная Харламова (1779—1851).

не выходящаго изъ дому не ради какой либо серьезной болѣзни, а токмо для освобожденія обѣихъ ногъ отъ чувствуемой по ночамъ тоски, которую приписываю простудѣ) всѣ мои были у обѣдни, по окончаніи принимали не малое число посѣтительницъ и мужчинъ и угощали ихъ шеколадомъ и кофеемъ съ сухариками работы именинницы (о чемъ прошу доложить Натальѣ Григорьевнѣ). Докторъ и Катерина Алексѣевна у насъ обѣдали. Ввечеру былъ вистъ.

Отъ кашля, которымъ вы страдаете и которому я нерѣдко подверженъ, лучшимъ врачеваніемъ призналъ по опыту сидѣнье дома.

Сообщенные вами стихи изъ комедіи Gabriel намъ очень понравились не какъ поэзія, но какъ картина супружескаго счастья въ противоположность инымъ связямъ. Непереводимый стихъ однако же очень понятенъ, ибо попускается же добывать души сыновей изъ матерей нецѣломудренныхъ ни по тѣлу, ни по духу.

22 числа во 2 часу пріѣхала Лизавета Ивановна въ сопровожденіи Фел. Мих. Феля и одной дамы. Путь ихъ былъ на пароходѣ до Шлиссельбурга, оттуда на трешкотѣ до Новой Ладоги, а отсюда сухимъ путемъ. Она мнѣ доставила ваше письмо отъ 18, печатное о нѣкоторыхъ рукописяхъ, даръ вашъ мнѣ и брошюру о *coop d'état* 2 дек., которыя я уже прочелъ. Брошюру для прочтенія сообщу доктору и Каллискому, и какъ мнѣ объявлено, удержу ее до свиданія съ вами. Это сводъ немного подробнѣйшій того, что уже мнѣ извѣстно было изъ читаннаго въ свое время въ фр. журналѣ. Книги же отъ меня вами взятія привезутся, вѣроятно, Контюшевою.

Острова *Бонинъ-Сима* находятся сѣвернѣе тропика рака между 160 и 170 гр. вост. долготы. Они никому не принадлежатъ и населены весьма кроткими и мирными дикарями.—

Третій день сряду мы имѣемъ прелестную осеннюю погоду.

Архимандритъ нашъ и Зеленецкій мон. Инокентій вчера пробыли у насъ около двухъ часовъ. Въ это время въ Романихѣ близъ дому Куцена сгорѣли сарай съ сѣномъ.

Лучшаго здравія и невозмущаемаго благоденствія вамъ желаетъ
любящій и преданный Вамъ

Андрей Рим.-Корсаковъ.

Тихвинъ, 24 сент. 1853.

—Вѣроятно, настоящее письмо не было послѣднимъ, но дальнѣйшихъ не сохранилось. Въ самомъ началѣ 1855 г., уже послѣ кончины Я. И. Берендинова, Софья Васильевна и Андрей Петровичъ писали къ его дочери, Наталіи Яковлевнѣ, изъявляя свою радость по поводу ея намѣренія переселиться въ Тихвинъ.

И. П. Мордвиновъ.